

Jak Marriten



Маска, которая ест лицо

Jak Marriten

Маска которая ест лицо

«Автор»

2026

Marriten J.

Маска которая ест лицо / J. Marriten — «Автор», 2026

«Когда на тебе маска, ты наконец можешь быть собой». Эта фраза с экрана компьютера становится для Алексея проклятьем. Он искал способ избавиться от одиночества, но нашел лишь способ исчезнуть. Теперь его лицо превращается в чужой шаблон, а его сознание — в топливо для древнего цифрового паразита. Сможет ли Алексей сохранить себя, когда даже его отражение в зеркале начинает жить своей жизнью?..

Содержание

1. Анкета	5
2. Инструкция к улыбке	10
3. Первый зритель	15
4. Код, который смотрит в ответ	21
5. Отражение без источника	28
6. Первая кровь	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Jak Marriten

Маска которая ест лицо

1. Анкета

За месяц до этого Алексей сидел в комнате отдыха колл-центра и заполнял анкету на сайте вакансий. Не потому, что искал работу — у него была работа, та самая, с гарнитурой и чужими проблемами, — а потому, что заполнение анкет его успокаивало. Чёткие графы, поля, обязательные звёздочки напротив пунктов «дата рождения», «пол», «образование». Мир, разложенный по ячейкам. Порядок, которого не хватало в жизни.

В колл-центре пахло кофе из автомата и дешёвым освежителем воздуха с запахом морской свежести. Этот запах въедался в одежду, волосы, кожу; Алексей давно перестал его замечать, но стоило ему выйти на улицу, как ветер приносил облегчение — вместе с выхлопными газами и сыростью осеннего города. Он работал здесь четвёртый год. Пришёл временно, после того как закрылся завод, где он числился наладчиком, да так и остался. Втянулся. Научился говорить чужим голосом — ровным, без эмоций, с правильно расставленными паузами. Этот голос успокаивал абонентов лучше любых скриптов. Но самому Алексею от него становилось только хуже: каждый вечер он возвращался домой, чувствуя, что истратил весь свой голосовой запас, и на слова для себя самого уже не оставалось.

Сегодня смена тянулась особенно долго. Дождь барабанил по стеклянной крыше атриума, создавая монотонный шум, который сливался с гулом голосов за соседними столами. Алексей только что закончил разговор с очередным недовольным клиентом — тот требовал вернуть деньги за неоказанную услугу, которой на самом деле не было. Алексей методично разъяснил, что ошибка произошла по вине банка, а не компании. Клиент обозвал его бездушным роботом и бросил трубку. Алексей принял оскорбление с тем же спокойствием, с каким принимал дождь за окном. Он привык. Быть бездушным роботом — его работа.

За окном темнело. Алексей допил остывший кофе, бросил взгляд на часы — до конца смены оставалось сорок минут. В кармане завибрировал телефон. Он достал его, увидел номер и на мгновение замер. Звонила бывшая жена.

Телефон вибрировал в ладони, пока звонок не сбросился. Алексей не ответил. Не потому что не хотел с ней говорить, а потому что не знал, как. Их разговоры давно превратились в обмен короткими фразами о дочери и деньгах. Но сейчас она звонила не по расписанию — значит, что-то случилось. Он перевернул телефон экраном вниз и убрал в карман. Трусость, знал он. Но сейчас ему требовалось сначала закончить анкету.

Анкета на сайте вакансий была длинной, с вопросами о предыдущем опыте и причинах увольнения. В графе «желаемая должность» Алексей написал: «оператор технической поддержки». Система автоматически подставила его резюме: среднее техническое, курсы оператора ЭВМ, опыт работы на заводе, опыт в колл-центре. Всё умещалось в несколько строк. Жизнь, упакованная в форму.

Он посмотрел на своё отражение в тёмном мониторе, пока сайт загружал следующую секцию. Худое лицо, впалые щёки, глаза, которые даже ему самому казались выцветшими. Уголки губ опущены не специально — сами. Ему было тридцать восемь, но выглядел он на все сорок пять. Жизнь как будто стёрла с него верхний слой, оставив только черновой набросок.

Когда-то он был другим. Или ему так казалось. В детстве мать говорила: «У тебя такие живые глаза». Она умерла, когда ему было пятнадцать, и с тех пор он не знал, сохранилась ли в нём эта живость. После её смерти он замкнулся, пошёл в техникум, потом армия, потом завод, потом жена, потом дочь... Всё катилось по инерции, пока однажды не остановилось.

Жена собрала вещи и ушла к человеку с более надёжной работой и менее потухшим взглядом. «Ты не плохой, — сказала она на прощание, — ты просто пустой. С тобой холодно». Он не спорил. Ему и самому было с собой холодно.

После развода он переехал в съёмную квартиру, поменьше и подешевле. Мебель — что смог забрать. Палас с вытертым ворсом, продавленный диван, кухонный стол, за которым никто не сидел. Дочери он звонил по выходным, но разговоры выходили короткими и неловкими. Даша росла, и с каждым месяцем их разделяла не только физическая дистанция, но и что-то более глубокое. Словно он терял право называться отцом.

В тот вечер, вернувшись домой, Алексей первым делом включил ноутбук. Квартира встретила его тишиной, только холодильник гудел на кухне неровно, с перебоями. Он снял мокрую куртку, повесил на спинку стула, включил чайник и уселся за стол. Сайт вакансий всё ещё был открыт во вкладке. Анкета требовала фотографию.

Фотография. Алексей никогда не любил фотографироваться. В его телефоне почти не было селфи — только случайные кадры, сделанные Дашей. На одном из них он стоял на фоне осеннего парка, закутанный в шарф, и смотрел куда-то вбок. Взгляд потерянный. Он открыл этот снимок и долго разглядывал себя. Лицо было его собственное, но какое-то ненастоящее — словно маска, надетая на другое лицо. Может, дело в освещении. Может, в том, что он разучился улыбаться перед камерой.

Он вспомнил, как в детстве мать просила его улыбнуться для семейного альбома. «Ну же, Лёшенька, покажи зубки». Он улыбался широко, искренне, потому что ещё не знал, как фальшиво улыбаются взрослые. Теперь любая его улыбка казалась вымученной. Даже когда он пытался порадоваться чему-то — редкому солнечному дню, хорошей новости, звонку дочери, — внутри оставался холод. Пустота.

Он закрыл фотографию и вернулся к анкете. В графе «фото» мигала красная звёздочка — обязательное поле. Алексей загрузил ту старую фотографию из парка. Система сжала её до размера иконки. Теперь в углу анкеты висел маленький квадратик с его лицом. Он посмотрел на него, и ему стало не по себе. Словно кто-то чужой глядел на него из этого квадратика — кто-то очень уставший и одинокий.

Он закрыл ноутбук и пошёл на кухню. За окном шумел дождь. Вода стекала по стёклам неровными полосами, искажая огни соседних домов. Алексей налил себе чай, сел за стол и стал смотреть, как капли догоняют друг друга. Это было его обычное вечернее занятие — сидеть и смотреть в одну точку. Иногда он представлял, что за окном не город, а бескрайнее море, и шум воды — не дождь, а прибой. Это помогало отвлечься.

Телефон снова завибрировал. На этот раз сообщение. Он открыл: «Пап, привет. У меня завтра выступление в школе. Я буду рассказывать про космос. Помнишь, ты хотел быть космонавтом? Я тебя вспомнила. Жаль, что ты не придёшь». И смайлик — грустная рожица.

Алексей перечитал сообщение несколько раз. В груди что-то сжалось — не боль, скорее эхо боли, как будто чувство прошло через толстый слой ваты и доходило до него приглушённым. Он хотел написать ответ. Пальцы зависли над экраном. «Привет, Даш. Я бы пришёл, но работа...» — начал он и стёр. «Я помню. Космос — это круто. Расскажи потом, как всё прошло» — и это стёр. В итоге написал: «Удачи. Папа». Нажал «отправить».

Пустота внутри стала чуть заметнее. Он допил чай, вернулся к ноутбуку. Анкета всё ещё требовала сохранения. Алексей посмотрел на часы — половина первого ночи. Завтра снова на смену. Но спать не хотелось. Он кликнул «сохранить», и система перенаправила его на страницу поиска. Сайт предложил посмотреть похожие вакансии. Он бездумно листал, пока взгляд не зацепился за баннер в нижней части экрана.

«Хочешь стать стримером? Регистрируйся на StreamWorld — платформе для тех, кто хочет быть увиденным».

Баннер был яркий, кислотно-синий, с картинкой: молодой человек в наушниках улыбается перед камерой. Рядом бегущая строка: «Присоединяйся к миллионам. Начни трансляцию сегодня».

Алексей усмехнулся. Стриминг. Он видел по телевизору репортажи о популярных блогерах, зарабатывающих тысячи на рекламе, но сам никогда не интересовался. Однако слова «быть увиденным» застряли в сознании. Быть увиденным — разве ему этого не хватало? Разве не в этом была причина его внутренней пустоты — в том, что никто по-настоящему не видит его? Даже он сам.

Он кликнул по баннеру. Сайт StreamWorld открылся в новой вкладке. Интерфейс был простым: форма регистрации, поле для никнейма, выбор категории. «Придумайте имя, которое запомнится», — советовал текст подсказки.

Имя. Алексей задумался. Он никогда не умел придумывать имена. Когда родилась дочь, жена выбирала из длинного списка, а он только соглашался. Кота в детстве назвал Пушком, потому что так звали всех котов в округе. Сейчас перед ним маячило поле, которое требовало фантазии, а фантазия у него атрофировалась вместе с умением радоваться. Он попробовал ввести «Алексей_1985» — занято. «Alex_operator» — занято. «Just_a_man» — свободно. Он устал был на это «Просто человек». Звучало как приговор. Потом стёр и написал: «Empty_face». Пустое лицо. Система приняла.

Дальше предлагалось загрузить аватар. Он снова открыл ту же фотографию из парка — единственное цифровое изображение себя. Загрузил. Теперь в профиле рядом с ником Empty_face красовался маленький снимок мужчины с потерянным взглядом. Композиция вышла странная: пустое лицо, но при этом лицо было, и выражение его слишком много говорило о владельце. Алексей подумал, что это не то. Ему хотелось скрыться, а не выставить себя напоказ.

Он нажал «редактировать профиль» и удалил фотографию. Теперь на аватаре был стандартный силуэт. Пустота. Вот так лучше.

Система предложила заполнить раздел «О себе». Алексей написал: «Просто человек. Иногда говорю». Добавил бы «иногда дышу», но счёл это лишним. Потом выбрал категорию «Разговоры» и подкатеорию «Жизненные истории». Хотя историй у него не было. Вся его жизнь помещалась в одну строку анкеты. Или в одно слово: пустота.

Он хотел было закрыть сайт, но тут заметил кнопку «Начать стрим». Она пульсировала, словно живая. Алексей заколебался. Что он будет транслировать? Свою комнату с облезлыми обоями? Своё лицо, которое не нравится даже ему самому? Разговоры с самим собой? Но любопытство пересилило. Он кликнул.

Страница обновилась, и он увидел свою комнату на экране — ту самую стену с ободранными обоями, угол стола, диван. Свет был тусклый, от настольной лампы, и картинка казалась зернистой. Сбоку открылся чат, пока пустой. Счётчик зрителей — ноль. Зелёная точка «В эфире» горела.

Алексей панически схватился за мышь и выключил трансляцию. Сердце колотилось. Он не был готов. Пять секунд — всё, что длился его первый выход в эфир. Но за эти пять секунд произошло что-то странное: он почувствовал, как внутри шевельнулось нечто похожее на волнение. Не страх, а именно волнение. Словно где-то там, по ту сторону экрана, мог оказаться кто-то, кто его увидит.

Он выдохнул и откинулся на спинку стула. Нужно было подумать. Если он действительно хочет попробовать, нужно подготовиться. Камера у него уже есть — старенькая вебка, прикреплённая к монитору скотчем. Гарнитура от колл-центра валялась в ящике стола. Интернет тянул нормально. Дело за малым — за тем, что показывать. И кого показывать.

Алексей машинально потёр лицо. Пальцы ощутили колючую щетину, неровности кожи, впадины под скулами. Он представил себя на экране — такого, как сейчас. И понял: нет. Это не сработает. Никто не станет смотреть на человека, которому самому на себя смотреть тошно.

Тогда ему и пришла мысль.

Сначала она показалась дурацкой. Маска? Серьёзно? Как в дешёвых фильмах про хакеров? Но чем больше он думал, тем рациональнее казалась идея. Стримеров без лица много — они ставят на аватар картинку или вообще не включают камеру. Но Алексей почему-то хотел, чтобы его видели. Именно видели — но не настоящего. Он хотел быть кем-то другим. Тем, у кого получается улыбаться. Тем, на кого приятно смотреть.

Он открыл поисковик и начал вбивать запросы. «Маска для лица реалистичная», «силиконовая маска человека», «купить лицо». Последнее звучало почти мистически, но именно так он себя чувствовал — человеком, который ищет новое лицо. Поисковая система предложила карнавальные маски, латексные монстры, резиновые президенты — всё не то. Потом он наткнулся на сайт, который назывался «Второе лицо».

Дизайн был минималистичным: белый фон, чёрный шрифт, фотографии масок без моделей — просто лица, надетые на прозрачные манекены. Каждое лицо имело свой артикул, цену и описание. «Модель 12-В: мужское лицо европейского типа, 30-40 лет, выражение — лёгкая полуулыбка, симметричное, подходит для ежедневного использования». Цена — как половина его месячной аренды. Алексей долго разглядывал фотографии. Лиц было около двадцати, и каждое казалось ему чужим, но одно зацепило.

Он нажал «увеличить» и увидел детали. Лёгкая полуулыбка, чуть приподнятые брови, ясный лоб, тонкие губы. Это лицо выражало спокойную уверенность — то, чего Алексею так не хватало. И одновременно оно казалось удивительно нейтральным. Оно не навязывало эмоцию, а скорее предлагало возможность. Как чистый лист, на котором можно написать что угодно.

Алексей посмотрел на цену. Потом на свои сбережения. Деньги были — те, что он откладывал на чёрный день. Чёрный день давно наступил, но он так и не потратил эти сбережения, потому что не знал на что. Теперь он знал.

Он нажал «Купить». Заполнил адрес, данные карты. Подтвердил заказ. Сайт показал срок доставки — три недели. «Ваше лицо уже в пути», — гласило сообщение. Звучало жутковато, но Алексей только кивнул.

Три недели он ждал. Ходил на работу, отвечал на звонки, пил кофе, смотрел на дождь. Созванивался с дочерью один раз — она рассказала про выступление, которое прошло хорошо, и он сказал «молодец». Разговор длился четыре минуты. Потом Даша убежала делать уроки, и в трубке остался только гудок. Алексей держал телефон у уха ещё секунд двадцать, слушая тишину.

Ночью ему снилось лицо. Не маска, а просто лицо без тела — оно плыло в темноте и улыбалось. Алексей просыпался в холодном поту, не понимая, почему этот сон его пугает. Может, потому что лицо было слишком живым. Или потому что оно казалось ему знакомым — как будто он видел его раньше, до покупки, до сайта, до всего.

На двадцатый день пришла посылка. Картонная коробка без опознавательных знаков, только штрихкод и адрес. Алексей вскрыл её на кухне. Внутри лежала маска, завернутая в мягкую ткань, и тюбик с гелем. Он поднял маску на свет. Она была лёгкой, почти невесомой. Силикон охлаждал пальцы. Лицо глядело на него пустыми глазницами, и в этом взгляде не было ни угрозы, ни обещания. Просто вещь.

Он отложил маску и сел за ноутбук. Снова открыл StreamWorld. Его профиль всё ещё был там: Empty_face, без фото, описание «Просто человек. Иногда говорю». Алексей зашёл в настройки и сменил никнейм. Теперь он назвался Altair — просто потому, что это слово мелькнуло в голове. Никакого значения, просто набор звуков. Потом он загрузил фотографию

— не свою, а снимок маски, который сохранил с сайта. Теперь профиль выглядел так: Altair, идеально симметричное лицо с лёгкой улыбкой, описание прежнее.

Он несколько дней привыкал к маске. Надевал её по вечерам, когда возвращался с работы, и сидел перед зеркалом, изучая нового себя. Силикон быстро принимал температуру тела, и через несколько минут маска переставала ощущаться. Он учился двигать лицом — маска хорошо передавала мимику, но с задержкой в долю секунды. Этого почти никто не замечал, но сам Алексей чувствовал. Будто его эмоции фильтровались через тонкий слой, прежде чем стать видимыми.

Он учился говорить. Голос в маске звучал глубже, бархатистее. Он записывал себя на диктофон и слушал. Это был не его голос. Но и не чужой. Голос Альтаира.

И вот настал тот вечер, когда он решился. Вторник, дождь, пустой чат. Он включил камеру и сказал: «Привет». С этого всё началось.

Алексей закрыл ноутбук и посмотрел на маску, которая лежала на столе. Теперь она казалась ему не просто вещью. Она была билетом. Куда — он пока не знал. Но, засыпая под шум дождя, он впервые за долгое время чувствовал не пустоту, а странное, едва уловимое ожидание. Как будто впереди его что-то ждало. Или кто-то.

2. Инструкция к улыбке

Утро после первого стрима началось не с будильника, а с тишины — той особенной, ватной тишины, какая бывает, когда просыпаешься раньше всего мира и несколько секунд не понимаешь, кто ты и где находишься. Алексей открыл глаза и уставился в потолок. Потолок был белый, с трещиной, проходящей от люстры к углу. Он смотрел на эту трещину каждое утро последние два года и мог нарисовать её по памяти.

Но сегодня что-то изменилось. Он полежал немного, прислушиваясь к ощущениям, и понял: в груди больше не было той свинцовой тяжести, которая обычно сопровождала его пробуждение. Не то чтобы он чувствовал радость — скорее, облегчение. Словно камень, который он носил внутри, стал чуть легче. Или это просто контраст после вчерашнего.

Он сел на кровати и посмотрел на стол. Маска лежала там же, где он её оставил, — экраном вниз. В утреннем свете она выглядела безобидно: кусок силикона, не более. Никакой мистики, никаких оживших глаз. Обычный предмет.

Алексей встал, прошлёпал босиком на кухню, включил чайник. За окном моросил всё тот же дождь — казалось, он не прекращался уже неделю. Серое небо, мокрый асфальт, редкие прохожие под зонтами. Он налил себе чай, сделал глоток и вдруг поймал себя на том, что улыбается. Не широко, не радостно — просто уголки губ сами поползли вверх. Улыбка вышла кривоватой, но настоящей. Он не улыбался просто так уже очень давно.

Вчерашний стрим прокручивался в голове отдельными кадрами. Зелёная точка, пустой чат, его собственный голос, который казался чужим. И последняя фраза: «Когда на тебе маска — ты наконец можешь быть собой». Он вспомнил, как произнёс это, и улыбка погасла. Потому что теперь, при дневном свете, фраза казалась ему претенциозной и глупой. Кому он это говорил? Пустому чату? Самому себе? Но глупость глупостью, а чувство, которое он испытал в тот момент, было реальным. Он действительно ощутил свободу. Пусть на несколько секунд, пусть перед камерой, которую никто не смотрел.

Чай остыл. Алексей оделся, собрался на работу. Смена начиналась в девять, но он всегда выходил пораньше, чтобы не спешить и не толкаться в метро. В коридоре он наткнулся на своё отражение в зеркале — то самое, с мешками под глазами и опущенными уголками губ. Сегодня оно показалось ему не таким уж отвратительным. Просто лицо. Обычное лицо уставшего мужчины.

На работе всё шло по накатанной. Гарнитура, скрипт, звонки. «Здравствуйте, меня зовут Алексей, чем могу помочь?» Он отвечал на вопросы, переводил на другие линии, фиксировал жалобы. В перерывах коллеги обсуждали сериалы, футбол, цены на бензин. Алексей не участвовал — он сидел в углу, листал телефон. Но сегодня вместо новостей он открыл StreamWorld.

Профиль Альтаира всё ещё висел в сети. Ноль подписчиков, одна трансляция в архиве. Он нажал «воспроизвести» и посмотрел запись вчерашнего эфира. Картинка была зернистой, освещение — ужасным. Маска на экране выглядела неестественно, почти жутко. Но голос... Голос действительно звучал иначе. Глубже, спокойнее, увереннее. Алексей слушал себя со стороны и не узнавал. Человек на записи говорил размеренно, с паузами, которые создавали ощущение значимости сказанного, хотя по сути он нёс полную чушь про погоду и одиночество.

Он выключил запись и задумался. Если он собирается продолжать — а он, кажется, собирался, — нужно подойти к делу системно. Первый стрим был пробой пера, тестом. Второй должен быть лучше. Ему нужна была инструкция. Не в смысле бумажка с пунктами, а понимание того, как вести себя перед камерой, что говорить, как двигаться. Он никогда не выступал публично, если не считать школьных утренников, где он читал стихи про маму, пока мама была жива.

Вечером, вернувшись домой, он первым делом включил ноутбук и начал искать материалы. Нашёл несколько статей для начинающих стримеров. Советы были банальными: «будьте собой», «общайтесь с аудиторией», «найдите свою фишку». Последнее его зацепило. Фишка — это то, что отличает тебя от тысяч других. У него уже была фишка. Она лежала на столе и смотрела в потолок пустыми глазницами.

Алексей взял маску и начал изучать её при свете настольной лампы. Он никогда раньше не разглядывал её так пристально. Провёл пальцами по линии лба, по скулам, по подбородку. Силикон был гладким, но не идеально — имелись микроскопические поры, имитирующие человеческую кожу. Брови были нарисованы тонкими штрихами, почти как настоящие волоски. Губы — чуть влажные на вид, хотя на ощупь сухие. Мастер, который это делал, знал своё дело.

Он перевернул маску и заглянул внутрь. Там была сложная текстура: углубления для носа, для губ, для подбородка. Внутренняя сторона была покрыта тончайшим слоем какого-то геля — видимо, тот самый фиксатор из тюбика. Алексей выдавил каплю на палец, растёр. Гель был прохладным, без запаха, быстро впитывался.

Он поднёс маску к лицу и начал надевать, но на этот раз медленнее, осознаннее. Сначала прижал к подбородку — силикон охватил его плотно, как вторая кожа. Потом к скулам, к вискам, ко лбу. Когда маска села, он открыл глаза и посмотрел в маленькое зеркальце, которое держал в руке.

Из зеркальца на него глядел Альтаир.

Теперь он видел его не на экране, а в реальном отражении. Это было другое ощущение — более интимное, почти жуткое. Алексей повернул голову влево, вправо. Маска двигалась вместе с лицом, повторяя каждое микродвижение. Он улыбнулся — Альтаир улыбнулся в ответ. Он нахмурился — брови маски сошлись к переносице. Всё работало.

Он решил тренироваться. Поставил зеркальце на стол так, чтобы видеть своё лицо, и начал произносить фразы, которые могли бы пригодиться в эфире.

— Привет всем, кто зашёл. Меня зовут Альтаир. Сегодня я хочу поговорить о...

О чём? О чём он может говорить? О своей работе в колл-центре? О бывшей жене? О том, как два года назад он стоял на мосту и думал, не шагнуть ли вниз, но не шагнул, потому что представил лицо дочери на похоронах? Нет. Такие вещи не говорят в эфире. Или говорят?

Он вспомнил вчерашнюю исповедь — про космонавта, про жену, про дочь. Он говорил это пустому чату и чувствовал облегчение. Может, в этом и есть его «фишка»? Не развлечение, а исповедь? Люди любят чужие тайны. Люди любят, когда кто-то обнажается перед ними, пока они сами сидят в безопасности, по ту сторону экрана.

— Сегодня я хочу поговорить о страхе, — сказал он в зеркало. — О страхе быть собой. И о том, почему иногда проще надеть маску и стать кем-то другим.

Он остановился. Фраза прозвучала хорошо — голос Альтаира придавал ей вес. Но что-то было не так. Он прокрутил её в голове и понял: она звучала слишком театрально. Как заученный монолог. А ему нужна была естественность.

Он попробовал иначе.

— Всем привет. Я Альтаир. Знаете, что я понял сегодня утром? Что я разучился улыбаться. Не в смысле двигать мышцами лица — это я могу. А в смысле радоваться. По-настоящему. У меня есть дочь, но когда я думаю о ней, я не чувствую тепла. Я чувствую вину. Я чувствую, что я плохой отец. И это чувство заменяет всё остальное.

Он замолчал. Теперь получилось лучше. Почти искренне. Хотя он и говорил правду, сам факт репетиции делал слова фальшивыми. Как если бы он репетировал собственную исповедь перед священником.

Алексей стянул маску и сделал глубокий вдох. Лицо горело — силикон всё-таки натирал, особенно в области подбородка. Он потёр кожу, посмотрел на маску, лежащую на столе, и

вдруг подумал: а что, если маска — это не просто предмет? Что, если она меняет не только внешность, но и что-то внутри?

Эта мысль напугала его, но и заинтриговала. Он решил продолжить тренировку.

Второй час репетиции был посвящён жестам. Алексей заметил, что на записи первого стрима он почти не двигался — сидел как истукан, только губы шевелились. Это выглядело неестественно. Живой человек должен двигаться, жестикулировать, менять позу. Он встал из-за стола, отошёл на шаг назад, чтобы камера захватывала его по пояс, и начал говорить, сопровождая слова движениями рук.

— Представьте, что вы каждый день просыпаетесь и первым делом смотрите в зеркало. Но не на себя, а на того, кого вы сами создали. На маску. И однажды вы понимаете, что маска вам нравится больше. Что она — лучшая версия вас. И тогда возникает вопрос: кто из вас настоящий?

Он говорил и жестикулировал, и это действительно выглядело лучше. Но вместе с тем он чувствовал, как внутри что-то сжимается. Потому что его слова переставали быть гипотетическими. Он действительно начинал верить в то, что говорит. И это было странно: он репетировал роль, но роль постепенно становилась им самим.

На третий час он устал. Голос сел, глаза слезились от напряжения. Он снял маску, положил её на стол и пошёл на кухню за водой. Возвращаясь, он заметил, что маска лежит не так, как он её оставил. Она была повернута к двери — к нему. Словно смотрела.

Алексей замер. Глупости. Он сам мог её нечаянно задеть. Но всё же подошёл, взял маску и аккуратно положил экраном вниз. Так было спокойнее.

Ночью ему приснился сон. Он стоял на сцене перед огромным залом, полным людей. Все они смотрели на него выжидающе. Он пытался что-то сказать, но изо рта не вылетало ни звука. Он поднёс руку к лицу — и не почувствовал его. Лица не было. Гладкая кожа без глаз, без носа, без рта. Зал начал смеяться. Проснулся он в холодном поту.

На следующий день Алексей решил, что пора провести второй стрим. Он подготовился лучше: купил недорогую светодиодную лампу для подсветки, поправил камеру, чтобы она не болталась на скотче, даже прибрался в комнате — убрал грязные чашки, разложил вещи. Фон теперь выглядел не таким убогим: просто скромная комната одинокого человека. Ничего лишнего.

Он надел маску в семь вечера — раньше, чем в прошлый раз, чтобы освоиться. Подошёл к зеркалу, поправил края, убедился, что маска сидит ровно. Альтаир смотрел на него с той же лёгкой полуулыбкой. Но теперь в этой улыбке Алексею чудилось нечто новое. Как будто она стала чуть шире. Или глаза чуть оживлённее. Он потёр переносицу — жест, который в маске ощущался иначе, потому что пальцы касались силикона, а не кожи.

— Сегодня ты расскажешь им про страх, — сказал он своему отражению. — Про страх, который живёт внутри и не даёт дышать. Про то, как ты боишься звонков от бывшей жены. Про то, как ты боишься встретиться с дочерью, потому что она смотрит на тебя и не видит отца. Она видит пустоту.

Он проговорил это вслух — и понял, что это правда. Не роль. Не сценарий. Правда, которую он никогда не озвучивал даже себе.

В семь тридцать он включил камеру. На этот раз он не прятался вне кадра — сразу сел перед экраном и посмотрел в объектив. Счётчик зрителей показывал ноль. Чат был пуст. Но он знал, что это ненадолго. Платформа иногда рекомендовала новые каналы случайным пользователям, и кто-нибудь обязательно заглянет.

— Всем привет, — сказал он. — Меня зовут Альтаир. Сегодня я хочу поговорить о страхе.

Он сделал паузу, как репетировал. Посмотрел в камеру, потом немного в сторону — якобы задумался.

— Знаете, что такое страх? Это не когда темно и кто-то прячется под кроватью. Это когда ты просыпаешься утром и понимаешь, что ещё один день — это наказание. Что ты идёшь на работу, которую ненавидишь. Что ты возвращаешься в квартиру, где никто не ждёт. Что ты звонишь дочери, а она говорит «привет, пап» таким тоном, будто ты — её обязанность. И ты понимаешь: она права. Ты — обязанность. Ты — то, что нужно пережить.

Он говорил, а слова лились сами. Это не было похоже на репетицию. Это было похоже на прорыв — как будто внутри лопнул какой-то нарыв. Счётчик дёрнулся: один зритель. Кто-то зашёл и остался.

— И вот ты сидишь перед зеркалом и думаешь: а что, если надеть маску? Не в прямом смысле. В переносном. Что, если притвориться, что ты другой человек? Весёлый, успешный, уверенный. И ты начинаешь притворяться. Сначала перед другими, потом перед собой. И однажды ты смотришь в зеркало и не узнаёшь себя. Ты видишь маску. Но знаете, что самое страшное? Ты не хочешь её снимать. Потому что маска — лучше. Маска — это ты, но исправленный. Ты, но без всей этой боли.

Счётчик показал трёх зрителей. Кто-то написал в чате: «огонь тема». Алексей на мгновение сбился, но тут же взял себя в руки. Он не ожидал, что кто-то отреагирует так быстро.

— Спасибо, — сказал он в камеру. — Я рад, что вы здесь.

Чат ожил. «Привет из Питера», «ты кто по жизни?», «почему в маске?». Алексей читал вопросы и старался отвечать, но не все. Он ещё не привык к многозадачности — говорить и читать одновременно.

— Почему в маске? — переспросил он. — Потому что так честнее. Звучит странно, да? Но это правда. Когда на тебе маска, ты можешь сказать то, что никогда не скажешь с открытым лицом. Люди доверяют маскам. Посмотрите на театр, на карнавалы, на Хэллоуин. Мы прячемся, чтобы нас увидели.

В чате появились смайлики. Счётчик вырос до семи. Алексей чувствовал, как внутри поднимается волна — не страх, а возбуждение. Его слушали. С ним говорили. Он был виден.

Стрим длился час. За это время он рассказал про страх одиночества, про работу, про то, как в детстве боялся темноты, а теперь боится света. Рассказал про мать, которая умерла, когда ему было пятнадцать, и про то, как он плакал в ванной, чтобы никто не слышал. Это было слишком личное, но именно оно зацепило зрителей. К концу трансляции в чате было пятнадцать человек, и они не уходили.

— Ладно, — сказал он под конец. — Мне пора. Спасибо, что выслушали. Завтра я снова выйду в эфир. Если хотите — приходите.

Он выключил камеру и откинулся на спинку стула. Сердце колотилось, ладони вспотели. Он стянул маску — на этот раз она отошла с трудом, словно приклеилась. Лицо было красным и горячим. Он посмотрел в зеркало и увидел себя — настоящего. Но теперь этот настоящий казался ему черновиком. А там, на экране, остался Альтаир. Тот, кого слушали. Тот, кому писали «огонь тема». Тот, кто умел говорить о боли так, что это задевало других.

Алексей сидел в тишине и смотрел на маску. Внутренний голос, который всегда нашёптывал ему, что он никто, сегодня молчал. Его заменил другой голос — голос Альтаира. И он говорил: «У тебя получилось. Продолжай».

На следующий день после работы Алексей зашёл в магазин электроники и купил более дорогую камеру. Ту, что крепилась на штатив и обещала «Full HD качество». Потратил почти всю зарплату, но не жалел. Это было вложение в новую жизнь.

Дома он установил камеру, настроил свет, поправил фон. Теперь его комната выглядела почти профессионально: мягкий тёплый свет, чистая стена, никакого визуального шума. Он надел маску и сел перед объективом, чтобы проверить картинку. Качество действительно было другим — изображение стало чётким, цвета насыщенными. Маска на таком экране выглядела ещё реалистичнее. Ему даже показалось, что он видит, как она дышит.

— Привет, — прошептал он. — Я Альтаир.

Маска улыбалась. И впервые за долгое время Алексей улыбнулся вместе с ней — не снаружи, а внутри. Это было странное, пугающее и одновременно пьянящее чувство. Он больше не был один. У него был Альтаир.

Но пока он радовался новой камере и растущему числу подписчиков, в квартире этажом выше сосед, тот самый, что принимал душ по ночам, сидел за своим ноутбуком и смотрел вчерашний стрим. Он узнал голос. Не маску — маска была чужой. Но голос он слышал раньше. В лифте. В очереди за хлебом. В подъезде.

Этот сосед пока не написал в чат. Он просто добавил канал в закладки и стал ждать следующего эфира. Ему было любопытно, чем всё закончится. Потому что у него тоже была тайна — он знал, как пахнет силикон, когда долго лежит на лице. Он пробовал. И у него не получилось снять.

3. Первый зритель

На третий день после второго стрима Алексей проснулся с мыслью, что мир стал немного другим. Не то чтобы изменились цвета или звуки — всё оставалось прежним: серое небо за окном, шум труб, трещина на потолке. Но внутри что-то сдвинулось. Словно тумблер, который всегда находился в положении «выкл», внезапно щёлкнул и переключился на «вкл».

Он лежал и смотрел в потолок, но теперь не с привычной апатией, а с интересом. Трещина напоминала русло пересохшей реки на карте — извилистая, с мелкими ответвлениями. Раньше он видел только дефект штукатурки. Сегодня — почти произведение искусства. Что-то произошло с его восприятием, и он ещё не понимал, радоваться этому или бояться.

Телефон на тумбочке завибрировал. Алексей потянулся за ним, ожидая увидеть напоминание о работе или сообщение от бывшей жены. Но это было уведомление от StreamWorld: «Ваш канал получил 23 новых подписчика за последние 24 часа. Поздравляем!» Ниже — статистика: пиковый онлайн вчерашнего эфира — 31 человек. Суммарное время просмотров — 14 часов. Эти цифры были скромными по меркам платформы, но для него они стали откровением. Тридцать один человек одновременно смотрел, как он говорит о своём одиночестве. Тридцать один человек решил остаться. Это было больше, чем количество людей, с которыми он общался за последний месяц в реальной жизни.

Он сел на кровати и открыл комментарии к записи стрима. Большинство были короткими: «лайк», «респект», «чувак, ты крут». Но несколько зацепили. Один пользователь с ником «Немой» написал: «Ты говоришь то, что я чувствую каждый день. Спасибо». Другой, «Серафима», оставила длинный комментарий: «Я думала, что только я так живу — работа, дом, пустота. Но ты описал это словами. Как будто ты залез мне в голову. Мне страшно и одновременно легко. Не пропадай». Алексей перечитал его трижды. Ему никогда не говорили «не пропадай». Даже жена, уходя, сказала только «прощай».

Он встал, прошёл на кухню, машинально включил чайник и замер у окна. Дождь наконец прекратился, но небо оставалось затянутым плотной пеленой облаков. Мокрый асфальт блестел в свете редких фонарей. Дворник в оранжевой жилетке собирал прошлогоднюю листву в большие чёрные мешки. Обычная жизнь, но она вдруг показалась Алексею не такой уж пустой. Словно он смотрел на неё через новое стекло — чистое, без пыли и разводов.

Чайник закипел, но вместо чая Алексей налил себе холодной воды из-под крана и выпил залпом. Затем подошёл к столу, где лежала маска. Она по-прежнему покоилась экраном вниз, как он её оставил. Ничего не изменилось. И всё-таки он медлил, прежде чем взять её в руки. С ней было связано теперь нечто большее, чем просто стримы. Она стала инструментом, с помощью которого он добывал из себя слова, которые сам не знал. И это пугало.

Он надел маску — привычным движением, уже почти автоматически. Силикон привычно охватил лицо, придав чертам чужие очертания. Алексей подошёл к зеркалу и замер. Сегодня ему показалось, что глаза в прорезях блестят ярче. Не его собственные воспалённые белки, а что-то иное — как будто внутри маски зажёгся слабый, едва заметный огонёк. Он прищурился, и огонёк погас. Игра света.

День на работе прошёл как обычно, но с одним отличием: он ждал его окончания. Не с ужасом, как раньше, а с нетерпением. Он хотел вернуться домой, надеть маску и снова выйти в эфир. Это желание было почти физическим — как голод или жажда. Алексей ловил себя на том, что во время разговора с клиентами мысленно прокручивает темы для будущего стрима. О чём рассказать сегодня? О детстве? О первой любви? О том, как отец ушёл из семьи, когда ему было семь, и он ждал его каждый вечер, сидя у окна, пока мать не сказала: «Не жди, он не вернётся»?

В обеденный перерыв он открыл StreamWorld и увидел, что количество подписчиков выросло ещё на пятнадцать. Кто-то даже оставил донат — символические сто рублей с сообщением: «На чай. Ты делаешь важное дело». Алексей смотрел на это сообщение, и в груди разливалось непривычное тепло. Не то чтобы сто рублей могли что-то изменить, но само осознание, что незнакомый человек счёл его слова стоящими денег, переворачивало картину мира. Раньше его слушали только по обязанности — клиенты, начальник, жена, когда ещё была рядом. Теперь слушали добровольно. Да ещё и платили.

Вечером он снова включил камеру. Светодиодная лампа мягко подсвечивала лицо, новая камера давала чёткую картинку, а недавно купленный микрофон делал голос более глубоким и объёмным. Алексей посмотрел в объектив и улыбнулся — маска улыбнулась вместе с ним.

— Привет всем. Я Альтаир. Сегодня я хочу рассказать вам о человеке, которого я когда-то знал. Вернее, знаю. Это я сам. Только не тот, кого вы видите сейчас, а другой. Тот, кто прячется внутри. Мне кажется, у каждого есть такой — двойник, тень, которая живёт под кожей и ждёт своего часа.

Он говорил, а счётчик зрителей рос. Пять, десять, двадцать. Чат ожил: люди здоровались, писали слова поддержки, задавали вопросы. Алексей старался отвечать, но постепенно перестал поспевать — сообщений становилось слишком много. Он выбрал одно, от пользователя с ником «Зеркало»:

— «Ты правда веришь в то, что говоришь, или это просто роль?» — прочитал он вслух и задумался. — Хороший вопрос. Я и сам не знаю. Может, и то, и другое. Может, когда ты долго играешь роль, она становится правдой. Кто из вас ловил себя на мысли, что вы живёте не свою жизнь? Что вы носите маску перед другими, а потом забываете её снять? Вот я — я забыл. И знаете, мне это нравится.

Чат взорвался. «Зеркало» ничего не ответил, но Алексей заметил, что его ник остался в списке зрителей. Этот человек не уходил.

Через два часа, когда эфир закончился и Алексей уже собирался выключить ноутбук, в личные сообщения пришло уведомление. «Зеркало» написал: «Привет. Ты интересно говоришь. Особенно про маску. Я кое-что знаю об этом. Если хочешь — можем поболтать не в эфире. Я живу рядом. Мы даже, кажется, соседи».

Алексей замер. Холодок пробежал по спине. Сосед? Он быстро прокрутил в голове жильцов своего подъезда. Кто мог его узнать? Голос? Внешность? Он никогда не афишировал, где живёт, но, видимо, случайно выдал себя. Или маска не так хорошо скрывала, как он думал. Он ответил после долгой паузы: «Что ты знаешь?»

Ответ пришёл мгновенно: «Я знаю, каково это — надеть маску и не смочь снять. Я был на твоём месте год назад. Давай встретимся. Подъезд, квартира 42. Я не опасен. Просто хочу поговорить».

Алексей долго смотрел на эти строки. Квартира 42 — это этажом выше. Тот самый сосед, который принимает душ по ночам. Он никогда с ним не общался, только здоровался в лифте. Обычный мужчина средних лет, ничем не примечательный. И он говорит, что знает про маску.

Страх боролся с любопытством. Любопытство победило. Алексей написал: «Завтра в восемь вечера. Приду».

На следующий день он поднимался на пятый этаж с тяжёлым сердцем. Подъезд пах сыростью и старой побелкой. Лампочка на лестничной клетке мигала. Квартира 42 находилась в конце коридора — дверь, обитая коричневым дерматином, с номером, выведенным белой краской. Он нажал на кнопку звонка, и внутри что-то дребезжало.

Дверь открылась. На пороге стоял мужчина лет сорока пяти, с бледным, словно выцветшим лицом. У него были пустые глаза и странная, застывшая улыбка, которая не затрагивала глаз. Он был одет в домашний свитер и старые джинсы. Обычный человек. Если бы не улыбка. И глаза.

— Проходи, Алексей, — сказал он голосом, который оказался знакомым. Именно этот голос Алексей слышал сквозь шум труб. — Я Сергей. Ты меня, наверное, видел. Мы соседи.

Алексей кивнул и шагнул в квартиру. Она была такой же планировки, как его собственная, но гораздо более запущенной: облезлые обои, паутина в углах, стойкий запах пыли и старой одежды. В комнате, куда привёл его Сергей, стоял старый диван и письменный стол с монитором. На стене висело зеркало, а рядом — несколько фотографий в рамках.

— Садись, — Сергей указал на диван. Сам он сел на стул напротив и замолчал, разглядывая Алексея.

— Ты сказал, что знаешь про маску, — начал Алексей, чувствуя, как напряжены плечи. — Что ты имел в виду?

Сергей продолжал смотреть на него, и его улыбка ни на секунду не дрогнула.

— У тебя такая же, как у меня была, — произнёс он тихо. — Модель 12-В. Я узнал её. Они все разные, но эту не спутаешь. Легкая полуулыбка, приподнятые брови. Я носил её почти полгода. Сначала для стримов, как ты. Потом — просто так. Выходил в магазин, ездил в метро. Это было прекрасно. Я стал другим человеком. Меня замечали, со мной хотели общаться. Девушка даже влюбилась. Но проблема в том, что маска — она не просто силикон. Она меняется. Растёт.

— Что значит «растёт»? — спросил Алексей, чувствуя, как пересыхает во рту.

— Она постепенно срастается с лицом, — Сергей провёл рукой по своей щеке. — Сначала просто сидит плотнее. Потом ты замечаешь, что не можешь её снять без боли. А потом — что уже не хочешь. Она становится тобой. И однажды ты смотришь в зеркало и не видишь себя. Только её.

Алексей потёр лицо, словно проверяя, можно ли снять свою маску сейчас. Та пока что отходила легко.

— Но у тебя же её нет, — заметил он. — Ты снял.

Сергей рассмеялся — сухим, лающим смехом.

— Нет. Не снял. Она просто стала мной. Посмотри внимательно.

Он подался вперёд, и Алексей, преодолевая отвращение, всмотрелся в его лицо. Оно казалось обычным, но что-то было не так. Кожа была неестественно гладкой, без пор, без морщин, без изъянов. Слишком идеальной для человека, живущего в такой квартире. И улыбка — она словно была нарисована. Мышцы лица не двигались, когда он говорил. Только губы шевелились, а всё остальное застыло.

— Я больше не могу снять лицо, — сказал Сергей. — Потому что под ним ничего нет. Оно съело моё настоящее лицо. Я не знаю, как это работает. Может, там какая-то химия, может, что-то другое. Но когда я попытался избавиться от маски через месяц после покупки, то понял, что под ней — только мышцы и кровь. Моё лицо исчезло. Не метафорически. Буквально.

Алексей почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Он вспомнил свои ощущения: лёгкое покраснение после снятия маски, которое он списывал на аллергию. И то, как маска с каждым днём сидела всё лучше, всё роднее.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — спросил он, стараясь говорить спокойно.

— Потому что у тебя ещё есть шанс, — Сергей встал и подошёл к окну. — Ты можешь остановиться. Перестать её носить. Удалить канал. Вернуться к обычной жизни. Пока лицо ещё живо. Потом будет поздно.

— Почему ты сам не остановился?

Сергей обернулся, и в его пустых глазах промелькнула такая тоска, что Алексею стало не по себе.

— Потому что я не хотел. Ты поймёшь. Когда тебя начинают любить за маску, ты не можешь отказаться от любви. Даже если знаешь, что она ненастоящая. Когда ты слышишь «ты важен», «ты нужен», «не пропадай», ты готов отдать лицо. И не только лицо.

Он снова сел и понизил голос:

— Маска не просто срывается. Она начинает есть тебя изнутри. Сначала забирает внешность. Потом — воспоминания. Те, что причиняют боль. Это даже приятно — забыть развод, смерть матери, одиночество. Но вместе с болью уходит и то, что болело. Ты забываешь не только плохое. Ты забываешь, как пахнет дочь, как смеялась жена, как мама читала тебе сказку на ночь. Ты становишься чистым. Пустым. Идеальным аватаром.

Алексей сидел, не шевелясь. Всё сказанное было настолько чудовищно, что его разум отказывался верить. Но в то же время какая-то часть его уже знала, что это правда. Он чувствовал, как маска с каждым разом приносит облегчение, как исчезает тяжесть в груди. И он помнил, как после первого стрима ему стало легче — будто часть боли перешла в неё.

— Что мне делать? — спросил он одними губами.

Сергей встал, подошёл к столу и взял маленький тюбик — точь-в-точь как тот, что шёл в комплекте с маской.

— Этот гель — он не для фиксации. Вернее, не только для неё. Он помогает маске проникать в кожу. Я не химик, не знаю точно. Но если не использовать его, срастание замедляется. Можно носить маску пару часов в день без геля, и она не тронет лицо. Но с гелем — она начинает питаться. И тогда обратного пути нет.

Он протянул тюбик Алексею.

— Возьми. Сравни со своим. Если ты ещё не начал использовать его регулярно — у тебя есть время.

Алексей взял тюбик дрожащей рукой. Прочитал состав: вода, силикон, глицерин и какие-то незнакомые вещества с длинными химическими названиями.

— Я использовал его три раза, — прошептал он. — На первом стриме, на втором и сегодня перед работой. Для пробы.

Сергей побледнел.

— Три раза — это мало. Но что-то уже запущено. Ты замечал, что маска стала отходить труднее? Что после неё лицо краснеет и чешется?

— Да, — признался Алексей. — Думал, аллергия.

— Это не аллергия. Это миграция клеток. Твой эпидермис уже начал принимать силикон за родную ткань. Если прекратишь сейчас, возможно, обойдётся. Но гарантий нет.

Повисла тишина. Где-то в квартире закапала вода из крана — методично, через равные промежутки. Алексей смотрел на тюбик в руке, и перед глазами стояло лицо дочери. Даша. Он вспомнил её сообщение: «Я тебя вспомнила. Жаль, что ты не придёшь». Вспомнил, как она пахла в детстве — молоком и детским мылом. Этот запах вдруг прорезался сквозь толщу серых будней, и в носу заципало.

— Я не хочу терять её, — сказал он вслух. — Дочь. Я и так уже потерял почти всё.

— Тогда не надевай маску, — просто ответил Сергей. — Удали канал. Живи как раньше. Алексей покачал головой:

— Ты не понимаешь. Раньше я не жил. Раньше я просто существовал. А теперь... теперь меня слышат. Теперь я кому-то нужен.

— Ты нужен не кому-то, а маске, — жёстко сказал Сергей. — Она даёт тебе иллюзию значимости, чтобы ты продолжал её носить. Поверь, я проходил это. Мне тоже писали «не пропадай». Я тоже думал, что нашёл себя. А потом понял, что от меня настоящего осталось только имя. Да и оно скоро исчезнет.

Он встал и подошёл к зеркалу на стене.

— Посмотри, — сказал он. — Видишь эту фотографию? — Он указал на рамку, где был снят молодой мужчина с живым, выразительным лицом. — Это я до маски. У меня были морщины у глаз, неровный нос, шрам на подбородке. Теперь ничего этого нет. Исчезло. Съедено. Я больше не могу вспомнить, как выглядел тот человек. У меня осталась только фотография.

Алексей посмотрел на снимок, потом на Сергея. Сходство угадывалось с трудом. Словно пластический хирург поработал над каждым миллиметром, убрав индивидуальность и заменив её стандартной симметрией.

— Почему ты просто не перестанешь носить её сейчас? — спросил он. — У тебя же она стала лицом. Но может, ещё можно восстановить?

Сергей горько усмехнулся:

— Нельзя. Маска заменила кожу. Если я попытаюсь её срезать, то останусь без лица в прямом смысле. Я ходил к врачам — они говорят, что это имплантат неизвестного происхождения, сросшийся с тканями. Предлагают операцию, но нет гарантий, что после неё я смогу есть, говорить, моргать. К тому же, — он помолчал, — я не уверен, что хочу возвращать прежнее лицо. Оно мне больше не принадлежит. Я уже не тот человек. Тот человек умер где-то внутри, когда маска съела его последнее воспоминание о счастье.

Он сел обратно и уставился в одну точку.

— Единственный совет, который я могу дать: если хочешь сохранить себя — беги. Прямо сейчас. Не заходи на платформу, не включай камеру. Выбрось маску. Или сожги. Но не удивляйся, если она вернётся. Они всегда возвращаются.

— Кто «они»? — спросил Алексей.

— Те, кто их делает. Я пытался выяснить. Сайт «Второе лицо» зарегистрирован на подставную фирму, серверы где-то в Азии. Они не продают маски — они раздают лица тем, кто отчаялся. А потом собирают урожай.

— Урожай чего?

— Не знаю. Эмоций? Воспоминаний? Жизненной силы? Я не мистик, но что-то в этом есть. Маска питается не просто кожей. Она питается твоей сущностью. Чем больше ты в неё вкладываешь — слов, чувств, признаний, — тем сильнее она становится. И тем меньше остаётся от тебя.

Алексей вспомнил свои монологи перед камерой. Как он выворачивал душу наизнанку, рассказывая о самом сокровенном. Как после этого чувствовал опустошение, но приятное, словно освободился от груза. А что, если он не освобождался? Что, если он просто переносил частицы себя в маску?

— И что теперь? — спросил он.

— Теперь выбор за тобой. Можешь уйти и попробовать спасти лицо. А можешь остаться — и тогда через пару месяцев станешь таким, как я. Будешь сидеть в пустой квартире и улыбаться без причины. И ни одна мысль не будет твоей собственной.

Сергей замолчал, и комната погрузилась в тишину, нарушаемую только капаньем воды.

Алексей вернулся в свою квартиру как во сне. Маска лежала на столе — всё та же полуулыбка, чуть приподнятые брови. Он взял её в руки и долго всматривался. Теперь ему казалось, что она смотрит в ответ. Не агрессивно, не угрожающе, а скорее выжидающе. Как кошка, которая знает, что её покормят.

Он положил её обратно и включил ноутбук. Зашёл в StreamWorld. Подписчиков стало ещё больше — восемьдесят четыре. В личке висело несколько сообщений. Одно от «Немого»: «Когда будет следующий эфир? Твои слова помогают мне держаться». Другое от «Серафимы»: «Я сегодня чуть не сделала глупость, но вспомнила твой стрим и передумала. Ты даже не представляешь, что для меня значишь».

Алексей перечитал эти сообщения и закрыл глаза. Вот оно. Он стал нужен. Его слова спасают людей. Пусть через маску, пусть через ложь — но спасают. Разве это не стоит того, чтобы пожертвовать лицом?

Он открыл глаза и посмотрел на тюбик с гелем, который дал ему Сергей. Потом взял свой собственный тюбик, тот, что шёл с маской, и открутил крышечку. Выдавил немного геля на палец. Пахло всё так же — нейтрально, почти ничем.

И тогда он принял решение.

Он аккуратно нанёс гель на внутреннюю сторону маски, размазывая по силикону тонким слоем. Затем поднёс маску к лицу и начал надевать. В этот момент в дверь постучали. Алексей замер. Стук повторился — настойчивый, требовательный. Он отложил маску и подошёл к двери.

— Кто там?

— Это я, Сергей. Открой. Я забыл сказать кое-что важное.

Алексей открыл дверь. На пороге стоял сосед, но его выражение лица изменилось: теперь в нём читалась тревога, почти паника.

— Что случилось?

— Ты не должен надевать её сегодня, — выпалил Сергей. — Я вспомнил: первые дни критические. Если наденешь после того, как узнал правду, она возьмёт это знание и использует против тебя. Она станет сильнее. Подожди хотя бы до завтра. Дай себе подумать.

Алексей молчал, переводя взгляд с соседа на маску, лежащую на столе.

— Почему ты помогаешь мне? — спросил он наконец. — Какая тебе разница?

Сергей опустил глаза:

— Потому что я не смог помочь себе. И потому что ты — это последнее, что напоминает мне о том, каким я был. Твои стримы... я смотрю их и плачу. Вернее, пытаюсь плакать. Но маска не даёт. Она блокирует слёзы. Я чувствую только пустоту. Но когда ты говоришь о боли, я вспоминаю, что когда-то тоже чувствовал. Ты — моя последняя ниточка к настоящему. Пожалуйста, не обрывай её.

В коридоре повисла тишина. Лампочка на лестничной клетке мигнула и погасла, оставив их в темноте, и только свет из приоткрытой двери квартиры Алексея падал на бледное лицо соседа, на котором застыла всё та же фальшивая улыбка.

— Хорошо, — сказал Алексей. — Сегодня я не буду надевать.

Сергей кивнул, развернулся и ушёл вверх по лестнице, не попрощавшись. Алексей закрыл дверь, прислонился к ней спиной и медленно сполз на пол. Маска лежала на столе и смотрела в потолок. Чат на ноутбуке мигал новыми сообщениями. Подписчики ждали. Где-то наверху зашумела вода — сосед включил душ.

И Алексей понял, что стоит перед выбором, который гораздо сложнее, чем жизнь или смерть. Это был выбор между собой и теми, кому он стал нужен. Между лицом и лицом. И он ещё не знал, что выберет, когда наступит утро.

4. Код, который смотрит в ответ

Ночь после разговора с Сергеем Алексей провёл без сна. Он лежал на продавленном диване, слушал шум труб и пытался отделить правду от вымысла, реальность от галлюцинаций уставшего разума. Всё, что рассказал сосед, походило на сценарий дешёвого фильма ужасов: оживающие маски, пожирающие лица, сайт-призрак, который раздаёт проклятые артефакты одиноким людям. Но он видел лицо Сергея. Вернее, отсутствие лица — ту натянутую, слишком гладкую кожу, которая не могла быть настоящей. Он видел его глаза — пустые, как у манекена. И он не мог списать это на совпадение.

Около четырёх утра он встал, включил ноутбук и открыл историю браузера. Сайт «Второе лицо» всё ещё был там, в закладках, но когда он кликнул по ссылке, страница не загрузилась. Белый экран, ошибка 404. Никаких следов магазина, который ещё неделю назад продавал силиконовые маски с доставкой на дом. Алексей попробовал ввести адрес вручную — тот же результат. Тогда он полез в кэш браузера и нашёл сохранённую копию главной страницы. Она открылась, но выглядела иначе: вместо фотографий масок — пустые прямоугольники с плейсхолдерами, вместо описаний — бессвязный набор символов. Словно сайт был декорацией, которую убрали сразу после использования.

Он проверил электронную почту. Письмо с подтверждением заказа исчезло. Не переместилось в спам, не удалилось — просто исчезло, как будто его никогда не существовало. Алексей точно помнил, что сохранял его, потому что в нём был трек-номер для отслеживания посылки. Теперь не осталось ничего: ни номера заказа, ни чека, ни названия фирмы. Только маска на столе.

Он взял её в руки. При дневном свете она казалась обычным куском силикона, но теперь Алексей знал, на что смотреть. Он перевернул её внутренней стороной вверх и внимательно осмотрел. Тонкий слой геля, который он наносил перед предыдущими стримами, почти впитался, но в некоторых местах остались микроскопические ворсинки. И ещё кое-что: по краям маски, там, где она прилегала к вискам и подбородку, силикон был чуть темнее. Как будто впитал что-то. Или вытянул.

Он положил маску обратно и снова сел за компьютер. Нужно было понять, с чем он имеет дело. Если Сергей прав, и сайт — лишь прикрытие, то за маской должна стоять какая-то система. Никто не создаёт технологию, способную растворять человеческую кожу, ради пары десятков экземпляров. Это бессмысленно с коммерческой точки зрения. Значит, смысл в другом.

Он начал с платформы StreamWorld. Зарегистрировался он там спонтанно, но теперь ему казалось, что баннер с приглашением возник не случайно. Слишком вовремя. Слишком точно. Он открыл код страницы регистрации и несколько минут вглядывался в строки HTML и JavaScript, пытаясь найти что-то необычное. В колледже он немного изучал веб-разработку, поэтому мог отличить стандартный код от кастомного. Всё выглядело обычно: скрипты аналитики, формы валидации, рекламные трекеры. Но в самом низу, за пределами видимой области, обнаружился странный фрагмент: вызов функции `initFacialMapping()` с параметрами, которых он не понимал. Рядом комментарий: `// Phase 1: Calibration complete. Phase 2: Integration pending.`

Фаза калибровки завершена. Фаза интеграции ожидается. Алексей похолодел. Он не писал этих комментариев. Это не мог быть стандартный код платформы — тот выполняется на сервере, а не в браузере. Но откуда тогда этот фрагмент на его локальной машине?

Он проверил расширения браузера. Ничего подозрительного: блокировщик рекламы, менеджер паролей, стандартный набор. Тогда он открыл консоль разработчика и ввёл название функции. Консоль вернула объект: `FacialMappingSession`, активный, с таймером, который

отсчитывал время с момента последнего стрима. И количество переданных данных: 1.4 гигабайта.

От его лица. Через камеру.

Алексей отшатнулся от ноутбука. Полтора гигабайта — это не просто видеопоток. Это намного больше, чем весит запись многочасового стрима. Камера передавала что-то ещё. Что именно, он не знал, но в голове всплыли слова Сергея: «Маска питается твоей сущностью». Может, это не метафора. Может, «Второе лицо» собирало данные — детальные карты мимики, микровыражений, эмоциональных паттернов, которые можно оцифровать только при плотном контакте силикона с живой кожей.

Он открыл диспетчер задач и проверил запущенные процессы. Один из них назывался FaceService.exe и потреблял около пятнадцати процентов процессора. Алексей никогда его не устанавливал. Он кликнул правой кнопкой, выбрал «Открыть расположение файла» — и оказался в папке, которой раньше не замечал: C:\Users\Alexey\AppData\Local\SecondFace\. Внутри лежали несколько файлов: исполняемый модуль, библиотеки, конфигурационный файл и папка с логами.

Лог-файл открылся в блокноте и представлял собой длинный список записей с временными метками. Первая строка датировалась днём, когда он зарегистрировался на StreamWorld:

text

[2024-10-17 23:12:04] FacialMappingSession initialized.

[2024-10-17 23:12:05] Camera calibration: success.

[2024-10-17 23:12:06] Awaiting mask contact.

Маска ещё не была надета, а программа уже ждала контакта. Но самое жуткое — третья строка, датированная следующим днём, когда он впервые надел маску перед зеркалом, без стрима, просто чтобы привыкнуть:

text

[2024-10-18 07:45:33] Mask contact detected. Baseline facial geometry captured. 0.3% match to template.

[2024-10-18 07:45:34] Integration protocol: INITIATED.

Интеграция. То самое слово. Алексей пролистал дальше. С каждой новой записью процент совпадения с шаблоном рос:

text

[2024-10-19 20:02:15] Match to template: 1.7%. Data package transmitted.

[2024-10-20 19:55:01] Match to template: 4.2%. Emotional signature: sadness (dominant), loneliness (secondary).

[2024-10-22 21:30:12] Match to template: 8.9%. Microexpression library updated. Voice pattern synchronized.

Последняя запись была сделана сегодня ночью, в 3:14, когда он не спал и смотрел в потолок:

text

[2024-10-24 03:14:00] Match to template: 12.4%. Integration Phase 2 ready to begin. Awaiting user consent.

Согласие пользователя. Где он дал согласие? Алексей перечитал строчку и внезапно вспомнил: когда он ставил галочку «Я принимаю условия использования» при регистрации на StreamWorld, там было что-то длинное и мелким шрифтом, что он, как и все, пролистнул не читая. Он открыл сохранённую копию пользовательского соглашения, нашёл нужный пункт и прочитал:

«Пользователь соглашается на сбор биометрических данных (геометрия лица, голосовые характеристики, эмоциональный профиль) в целях улучшения качества трансляций и персо-

нализации контента. Данные могут передаваться партнёрам платформы для проведения исследований в области человеко-компьютерного взаимодействия».

Партнёры платформы. Исследования. Всё было прикрыто юридическим языком, но суть не менялась: он добровольно отдал своё лицо — в цифровом, а затем и в физическом смысле.

Но это ещё не объясняло маску. Программа могла собирать данные через обычную камеру, зачем понадобился силиконовый интерфейс? Зачем гель, который растворяет кожу? Зачем вообще физический контакт? Ответа в логах не было, но Алексей чувствовал, что разгадка где-то рядом.

Он продолжил копаться в папке SecondFace и нашёл файл с названием `template.dat` — большой, около трёхсот мегабайт. Судя по расширению, это был некий шаблон, возможно, эталонное лицо, с которым сравнивали его собственное. Он попытался открыть его в текстовом редакторе, но получил только нечитаемые символы. Тогда он загрузил файл в просмотрщик бинарных данных и начал всматриваться в шестнадцатеричные коды, пытаясь найти хоть какую-то зацепку.

Через час он обнаружил, что заголовок файла содержит строку: `FACE_MODEL_12V_COMPOSITE`. Модель 12-В. Та самая, которую он купил. Но это был не просто шаблон внешности. Внутри файла содержались слои: геометрия, текстура, карта микровыражений, эмоциональный профиль. А в конце — нечто, чего он не ожидал: голосовой отпечаток. Не его. Чужой.

Алексей извлёк звуковой фрагмент с помощью простого аудиоредактора и прослушал. Это был мужской голос, низкий, с лёгкой хрипотцой, произносящий одну и ту же фразу на разных языках: «Я — это ты. Ты — это я. Мы — одно». Запись была короткой, всего несколько секунд, но от неё веяло таким холодом, что Алексей снял наушники и отодвинулся от стола. Голос был синтезированным, но очень качественным — почти как человеческий.

Он понял, что это голос Альтаира. Не тот, который он придумал себе, а тот, который был заложен в маску изначально. Маска не просто меняла его собственный голос, делая его глубже и бархатистее, — она накладывала поверх чужой голосовой шаблон. С каждым стримом, с каждым часом, проведённым в маске, он всё больше звучал как тот, кого никогда не встречал.

Алексей встал и прошёлся по комнате. За окном начинался рассвет, серый и неприветливый. Он чувствовал, как внутри закипает злость — не на маску, не на Сергея, не на платформу. На себя. За то, что был таким дураком. За то, что поверил, будто кусок силикона может решить его проблемы. За то, что позволил чему-то чужому проникнуть в свою жизнь так глубоко.

Но злость быстро сменилась другим чувством — холодным, расчётливым любопытством. Если маска собирает данные, если она куда-то их передаёт, значит, есть получатель. Кто-то на другом конце провода получает гигабайты его эмоций, его голоса, его лица. Кто-то следит за ним. И этот кто-то, вероятно, знает о нём больше, чем он сам.

Он сел обратно и начал изучать сетевую активность программы `FaceService.exe`. Файрвол показывал, что она периодически устанавливает соединение с удалённым сервером, адрес которого был скрыт за несколькими прокси-узлами. Но последний известный IP-адрес вёл в Восточную Европу — туда, где, по словам Сергея, находились серверы «Второго лица».

Алексей открыл терминал и попытался пропинговать адрес. Ответ пришёл с задержкой, но пришёл: сервер был жив. Более того, на нём работал не только сборщик данных, но и что-то ещё — какой-то веб-интерфейс, доступный по определённому порту. Он ввёл IP и порт в адресную строку, и браузер открыл страницу авторизации. Никакого логотипа, только поле для ввода идентификатора и пароля.

Идентификатор. Какой у него может быть идентификатор? Он перепробовал свой никнейм, адрес электронной почты, номер заказа — ничего не подходило. Тогда он вспомнил про файл `template.dat` и строку `FACE_MODEL_12V_COMPOSITE`. Он ввёл 12V в поле иденти-

фикатора, а в качестве пароля — ту самую фразу из аудиофрагмента: «Я — это ты». Страница обновилась, и он оказался внутри.

Перед ним открылась панель управления. Или, скорее, панель наблюдения. В центре экрана висела таблица с заголовками: «Идентификатор модели», «Статус интеграции», «Процент соответствия», «Статус носителя», «Прогноз завершения». Строки таблицы были заполнены данными: около двадцати записей, большинство со статусом «Интеграция завершена», некоторые — «В процессе». Последняя строка, подсвеченная жёлтым, содержала его собственные данные:

text

Модель: 12V (Altair)

Статус интеграции: Фаза 2

Процент соответствия: 12.4%

Статус носителя: Активен

Прогноз завершения: 6-8 недель

Носитель. Он был носителем. А интеграция — это процесс, в ходе которого маска и её шаблон должны полностью заменить его собственное лицо и, судя по голосовому отпечатку, не только лицо. Через шесть-восемь недель, если верить прогнозу, процесс завершится, и он станет Альтаиром. Не в переносном смысле. Буквально.

Алексей кликнул на свою строку, и панель развернулась в детальный профиль. Там были графики, диаграммы, показатели каких-то «эмоциональных маркеров». Отдельным блоком шли «Активы носителя» — список того, что маска уже успела поглотить:

Геометрия лица: 12.4%

Голосовой паттерн: 18.7%

Воспоминание №37 (мать, колыбельная): передано

Воспоминание №82 (развод): передано

Воспоминание №104 (первый поцелуй): передано

Эмоциональный спектр: sadness 68%, loneliness 22%, fear 10%

Он читал этот список, и в висках стучало. Маска забирала не абстрактную «сущность». Она забирала конкретные воспоминания. Те, что причиняли боль. Те, от которых он сам хотел избавиться. Она действовала как фильтр, вытягивая самое горькое и, видимо, самое питательное.

Внизу страницы была кнопка: «Прервать интеграцию». Простая, без подтверждений, без предупреждений. Просто кнопка.

Алексей занёс над ней палец и замер. Если он нажмёт её, что произойдёт? Потеряет ли он то, что уже передано? Вернутся ли воспоминания? Или процесс необратим, и кнопка — лишь иллюзия контроля, оставленная для успокоения совести разработчиков?

Он не нажал. Вместо этого он продолжил изучать панель и нашёл вкладку «Архив моделей». Там хранились записи о всех масках, когда-либо выпущенных «Вторым лицом». Он пролистал список и нашёл модель, которая была у Сергея: 8-K, статус — «Интеграция завершена. Носитель: Сергей В. Активен». Рядом — дата завершения: пятнадцать месяцев назад. Чуть больше года Сергей жил без своего лица. И, судя по всему, без многих воспоминаний.

Но самое страшное обнаружилось в другой вкладке — «Библиотека личностей». Там перечислялись имена. Не никнеймы, а настоящие имена людей, которые когда-то носили маски. Каждое имя было ссылкой. Алексей кликнул на одно из них — «Елена М.» — и увидел полную историю: даты стримов, переданные воспоминания, финальный статус («Интеграция завершена»), а в самом низу — аудиофайлы с нарезкой голоса и видео с записью мимики. Готовый набор для создания новой маски.

До него медленно, как холодная вода, начала доходить суть проекта. «Второе лицо» не просто собирало данные. Оно создавало личности. Цифровые копии людей, очищенные от

боли, страха и слабостей, — идеальные аватары для каких-то целей, которых он пока не понимал. Возможно, их продавали. Возможно, использовали сами. Но в любом случае носитель был лишь сырьём.

Алексей откинулся на спинку стула и закрыл лицо руками. Своими, пока ещё своими. Он должен был испугаться. Должен был немедленно нажать кнопку «Прервать интеграцию», удалить все файлы, сжечь маску, уехать из города. Но вместо страха он чувствовал странное спокойствие. Как будто знание давало ему власть. Теперь он понимал правила игры. И мог их использовать.

Он вернулся к панели и нашёл то, что искал: поле для загрузки данных. Если система может получать информацию от него, значит, может и принимать что-то обратно. Он не был программистом, но базовые принципы понимал. Файл `template.dat` был шаблоном Альтаира. Что, если изменить шаблон? Что, если добавить в него что-то своё, чего маска не ожидает?

Он потратил остаток ночи, изучая структуру файла. Это было мучительно: бинарный код, сжатые текстуры, зашифрованные блоки. Но он нашёл одну незащищённую секцию — ту, где хранился голосовой отпечаток. И заменил его. Вместо фразы «Я — это ты» он вставил свой собственный голос, записанный на диктофон ещё до покупки маски: «Я — Алексей. И я ещё жив».

Затем он сохранил изменённый файл и загрузил его обратно в панель управления, в поле «Обновление шаблона». Система на секунду зависла, а потом выдала сообщение: «Шаблон обновлён. Синхронизация с носителем начнётся при следующем контакте».

При следующем контакте. Значит, если он наденет маску снова, она получит его правку. Что это даст, он не знал. Может быть, ничего. Может быть, это нарушит процесс интеграции. А может, убьёт его. Но он уже решил, что попробует. Лучше умереть собой, чем жить чужой копией.

Наступило утро. За окном разгорался хмурый рассвет, раскрашивая серые облака в оттенки грязного олова. Алексей выключил ноутбук и лёг на диван, не раздеваясь. Он закрыл глаза и попытался представить лицо дочери, но образ получался размытым — словно его уже начали стирать. Он напряг память, вытащил из глубин самую яркую картинку: Даша в жёлтом плаще, бежит по лужам, смеётся. Да, вот она. Пока ещё здесь.

Он заснул с этой картинкой перед глазами. А в это время в папке `C:\Users\Alexey\AppData\Local\SecondFace\` тихо обновлялся файл шаблона, и где-то в Восточной Европе сервер регистрировал аномалию: носитель модели 12V внёс изменения в базовую конфигурацию. Система пометила это событие жёлтым флагом и отправила уведомление администратору. Но администратор не ответил — его смена начиналась позже.

Алексей проспал около трёх часов. Когда он проснулся, телефон показывал десять утра и три пропущенных звонка от начальника колл-центра. Он перезвонил, извинился, сослался на плохое самочувствие. Начальник поворчал, но отстал: Алексей никогда не прогуливал, так что ему поверили.

День он провёл в странном состоянии между сном и явью. Несколько раз подходил к ноутбуку, проверял панель управления. Его строка всё ещё горела жёлтым, процент соответствия не изменился. Кнопка «Прервать интеграцию» всё ещё была на месте. Но он не нажимал её.

Вечером, когда за окном стемнело, он подошёл к столу и взял маску. Она была прохладной и казалась тяжелее, чем раньше, — но, возможно, это просто игра воображения. Он повертел её в руках и вдруг заметил, что с внутренней стороны, там, где она касалась его лба, проступили едва заметные красные прожилки. Как капилляры. Или как корни.

Он сглотнул и аккуратно, не используя гель, приложил маску к лицу. Она села почти сразу, словно ждала этого момента. Силикон привычно обхватил подбородок, скулы, лоб. И

в тот же миг Алексей почувствовал, как внутри черепа что-то щёлкнуло — не физически, а скорее на уровне ощущений. Будто кто-то вставил штекер в розетку.

Он подошёл к зеркалу. Альтаир смотрел на него с той же полуулыбкой, но теперь в глазах-отверстиях горел холодный, оценивающий огонёк. Маска знала, что он сделал. И она ждала.

— Ну, давай, — прошептал Алексей. — Посмотрим, кто кого.

Он сел перед ноутбуком и включил камеру. Но на этот раз он не запускал стрим. Он открыл консоль разработчика и начал писать свой собственный код — неумело, подсматривая в справочники, но предельно сосредоточенно. Он хотел понять, как именно маска передаёт данные, и можно ли перехватить этот поток. Если программа может отправлять его эмоции на сервер, значит, она может получать и обратные сигналы. А если маска — это интерфейс, то через неё можно воздействовать на систему. На всю систему.

Он писал несколько часов подряд. Стемнело. Маска давила на лицо, но он не снимал её, боясь потерять связь. Где-то около полуночи ему удалось перехватить исходящий пакет данных. Он расшифровал его и увидел то же, что в логах: геометрия лица, эмоциональный профиль, идентификатор носителя. Но теперь он видел и обратный адрес. Не просто IP сервера, а конкретный порт, отвечающий за приём команд.

Он направил на этот порт свой модифицированный шаблон — тот самый, с заменённым голосовым отпечатком. И добавил к нему небольшой скрипт, который должен был выполняться на сервере при получении. Скрипт был простым: найти все файлы с расширением .face и заменить в них голосовые отпечатки на оригинальные записи носителей. Если он прав, это вернёт украденные голоса тем, кто ещё не завершил интеграцию. А тем, кто завершил... Возможно, им это уже не поможет. Но он хотя бы попытается.

Отправив пакет, Алексей замер в ожидании. Прошла минута. Две. Пять. Панель управления обновилась: в строке «Статус интеграции» вместо «Фаза 2» загорелась надпись: «Ошибка синхронизации». Процент соответствия упал до 8.1%. Маска на его лице дрогнула — впервые за всё время он почувствовал, как она теряет сцепление, словно силикон перестал быть эластичным. По виску скатилась капля пота — или не пота, а того самого геля, который вдруг начал выделяться изнутри, отторгаясь кожей.

Алексей сорвал маску. Она отошла легко, почти без сопротивления, и он с ужасом увидел, что её внутренняя сторона покрыта тонкой сеткой красных нитей, похожих на сосуды. Но его собственное лицо... Он подбежал к зеркалу. Лицо было красным, воспалённым, но целым. Никаких дыр, никакой гладкой пустоты. Только кожа, его собственная кожа, с неровной щетиной и мешками под глазами. Она всё ещё была его.

Он перевёл дыхание и посмотрел на маску, лежащую на полу. Она больше не улыбалась. Полуулыбка исчезла, и теперь лицо из силикона выглядело растерянным, почти испуганным. Как будто оно впервые осознало, что носитель может дать отпор.

В ноутбуке что-то пискнуло. Он повернулся к экрану и увидел новое сообщение в чате StreamWorld. Оно было от системы, но написано человеческим языком:

«Вы внесли изменения в базовую конфигурацию. Ваша лицензия носителя приостановлена. Для восстановления доступа обратитесь к администратору. В случае повторного вмешательства будет инициирована принудительная реинтеграция».

Ниже была подпись: «Отдел контроля качества "Второго лица"».

Алексей перечитал сообщение и улыбнулся — своей собственной, кривой, человеческой улыбкой. Значит, он их задел. Значит, они заметили. И значит, война только начинается.

Он поднял маску с пола, отнёс её на кухню и бросил в мусорное ведро. Сверху высыпал остатки вчерашнего чая. Но прежде чем закрыть крышку, он заметил, что маска мигнула — или ему показалось? — и снова застыла, безучастная и пустая.

Ночью ему снилась дочь. Она стояла на сцене и рассказывала про космос, а он сидел в зале и хлопал. И лицо у него было своё.

5. Отражение без источника

Первый день без маски Алексей встретил с облегчением, похожим на то, какое испытываешь, когда после долгой болезни спадает жар. Он проснулся поздно, около полудня, и первые несколько минут просто лежал, ощущая лицо. Своё лицо. Кожа была всё ещё воспалённой, местами шелушилась, но под пальцами чувствовалась живая, настоящая плоть, а не холодный силикон. Он провёл ладонью по щеке — колючая щетина, неровности, мелкие поры. Все признаки того, что он ещё принадлежит себе.

На кухне он выпил чай без сахара и долго стоял у окна. Дождь наконец закончился, и сквозь рваные облака пробивалось солнце — робкое, осеннее, но настоящее. Мир за окном казался чуть более реальным, чем вчера, словно кто-то подкрутил резкость. Прохожие шли по своим делам, дворник мел тротуар, голуби дрались за хлебную корку. Обычная жизнь, которая раньше вызывала у Алексея только тоску, теперь показалась почти красивой.

Он достал телефон и набрал дочери. Даша ответила после третьего гудка.

— Привет, пап.

Голос у неё был удивлённый — он редко звонил среди недели, обычно только по выходным.

— Привет, Даш. Просто хотел услышать тебя. Как дела в школе?

— Нормально. У нас сегодня контрольная по математике была, я, кажется, на четвёрку написала.

— Молодец. А помнишь, ты рассказывала про космос? Я тогда не пришёл...

— Помню, — сказала она тихо.

— Я хочу прийти в следующий раз. Если ты ещё будешь выступать.

В трубке повисла пауза. Алексей слышал дыхание дочери — частое, детское, чуть сбивчивое.

— Правда? — спросила она наконец. — Ты серьёзно?

— Серьёзно.

— Тогда... у нас через две недели конкурс чтецов. Я буду читать стихи. Это не космос, но тоже интересно.

— Я приду, — сказал Алексей. — Обязательно приду.

Он положил трубку и почувствовал, как в груди разливается тепло — то самое, которое маска пыталась украсть. Оно было слабым, едва заметным, но оно было его собственным.

Остаток дня он провёл за уборкой квартиры. Выбросил старые чеки, протёр пыль, даже пропылесосил палас, чего не делал уже несколько месяцев. Мусорное ведро на кухне он вынес в первую очередь — туда, где среди чайных пакетиков и картофельных очистков лежала маска. Он не стал смотреть на неё, просто завязал пакет и отнёс в контейнер во дворе.

Однако вечером, когда он вернулся домой и случайно взглянул на стол, где маска лежала все предыдущие дни, ему стало не по себе. Там ничего не было — пустая столешница, только старая кружка с засохшим чаем. Но пространство казалось занятым. Как будто маска оставила после себя невидимый отпечаток, который ещё не выветрился. Алексей усилием воли отвёл взгляд и больше к столу не подходил.

Ночью он проснулся от странного ощущения. Ему показалось, что кто-то смотрит на него из угла комнаты. Он включил ночник, но в комнате никого не было — только старая мебель, тени от лампы, запертая дверь. Однако ощущение чужого присутствия не уходило. Он встал, обошёл квартиру, проверил замки. Всё было в порядке. И всё-таки, уже ложась обратно, он заметил нечто странное: в тёмном экране выключенного ноутбука отражалась комната, но отражение было не совсем точным. В углу, где раньше стояла коробка из-под маски, теперь

ничего не было, но в отражении коробка была. И рядом с ней — смутный силуэт, похожий на человеческую фигуру.

Алексей замер. Смотрел, не моргая, пока глаза не начали слезиться. Силуэт не двигался. Он был просто тенью в отражении — может, дефект экрана, может, игра света. Но спать он больше не мог.

Наутро он решил, что это нервы. После всего пережитого сознание просто ищет угрозу там, где её нет. Он позавтракал, оделся и отправился на работу — впервые за несколько дней. Пропускать смены больше было нельзя: начальник и так проявил чудеса терпения, но любой лимит имеет предел.

В колл-центре всё шло по-прежнему: гул голосов, запах кофе, бесконечные звонки. Алексей вставил гарнитуру, вошёл в систему и начал принимать вызовы. «Здравствуйте, меня зовут Алексей, чем могу помочь?» Голос звучал обычно — его собственный, не обработанный маской. И всё-таки он замечал странные взгляды коллег. Охранник на проходной слишком долго всматривался в его лицо. Менеджер Ирина, с которой они раньше едва здоровались, подошла и спросила: «Ты в порядке? Ты выглядишь... иначе».

— Иначе? — переспросил Алексей.

— Не знаю. Как будто на тебя свет иначе падает. Или кожа изменилась. Ты что, в солярий ходил?

— Нет, — ответил он. — Просто не высыпаюсь.

Ирина пожалала плечами и ушла. Но сам Алексей задумался. Кожа действительно изменилась — после того, как он снял маску в последний раз, она стала более гладкой на ощупь, исчезли некоторые мелкие морщины. Возможно, это последствия геля, который успел проникнуть в эпидермис. А возможно, что-то другое.

В перерыве он зашёл в туалет и посмотрелся в зеркало. Лицо было его, но как будто слегка отредактированное. Черты стали чуть симметричнее, подбородок — более чётким, разлёт бровей — ровнее. Изменения были микроскопическими, но они были. Алексей потёр лицо — кожа не отходила, не слезала, была вполне живой. Но чувство, что она уже не полностью его, засело внутри.

После работы он поднялся на пятый этаж и постучал в дверь квартиры 42. Сергей открыл не сразу — за дверью долго шуршали, потом замок щёлкнул, и на пороге возник сосед. Его лицо, всё такое же гладкое и кукольное, выражало удивление — насколько вообще могло выражать.

— Ты жив, — сказал Сергей вместо приветствия. — И лицо цело.

— Почти, — ответил Алексей. — Можно войти?

Они сидели в той же комнате с облезлыми обоями и пили чай. Сергей говорил мало, больше слушал. Алексей рассказал о панели управления, о логах, о файлах шаблона. И о том, что изменил голосовой отпечаток.

— Ты вмешался в систему? — Сергей подался вперёд. — Ты вообще понимаешь, что это значит? Они теперь знают. Они знают, что носитель вышел из-под контроля. Таких, как мы, обычно просто стирают. Удаляют все данные и отключают от сети. Я думал, ты просто перестанешь носить маску, а ты...

— А я решил ударить в ответ, — перебил Алексей. — И знаешь что? Это сработало. Процент интеграции упал. Маска отвалилась сама, без боли. Может, я нашёл способ остановить всё это.

Сергей покачал головой.

— Ты не понимаешь. «Второе лицо» — это не сайт. Это не сервер в Восточной Европе. Это что-то гораздо большее. Я пытался копать глубже, чем ты, и наткнулся на такие вещи, о которых лучше не знать. Они повсюду. Их маски — не просто силикон. Это интерфейсы. И те, кто за ними стоит, не люди.

— А кто же?

— Не знаю. Знаю только, что они существуют очень давно. Сменились технологии, но суть осталась. Маски были всегда. Ритуальные, театральные, карнавальные. Всегда находились те, кто хотел стать кем-то другим. И те, кто предлагал эту услугу. Просто раньше это были жрецы и шаманы, а теперь — программисты. Но за программистами стоят те же самые сущности. Они питаются человеческим страданием. Чем сильнее ты мучаешься, тем вкуснее твоя личность для них. Когда ты надеваешь маску и рассказываешь о своей боли, ты отдаёшь им самое ценное. А когда процесс завершён, они получают готовый продукт — очищенную от боли оболочку, которую можно использовать как угодно. Как цифрового раба. Как актёра в чужом спектакле. Как живую куклу.

Алексей вспомнил библиотеку личностей в панели управления. Имена, голоса, мимические карты. Всё это не собиралось ради абстрактных исследований. Это собиралось для использования.

— Почему ты всё ещё здесь? — спросил он Сергея. — Если твоя интеграция завершена, почему тебя не забрали?

— Потому что я бракованный, — Сергей криво усмехнулся. — Когда маска съела моё лицо, я попытался покончить с собой. Меня откачали, но что-то повредилось в процессе. Я перестал быть полезным. Слишком нестабилен. И меня оставили здесь — как предупреждение другим. Как экспонат. Иногда ко мне приходят такие, как ты. Я рассказываю им правду. Некоторые верят и останавливаются. Большинство — нет.

— Почему?

— Потому что маска даёт то, чего не может дать реальность. Признание. Любовь. Смысл. Когда у тебя ничего нет, а тут вдруг появляются люди, которые тебя слушают, которые говорят «ты важен», — разве ты откажешься? Даже если знаешь, что это иллюзия? Даже если знаешь, что цена — твоё собственное лицо?

Алексей промолчал. Он знал ответ.

Они расстались около полуночи. Сергей проводил его до двери и напоследок сказал:

— Если ты действительно хочешь бороться, будь осторожен. Они не прощают вмешательства. Скоро ты увидишь то, что вижу я. Отражения, которые не совпадают. Тени, которых нет. Голоса в шуме труб. Это их способ вернуть тебя. Они будут пытаться сломать тебя изнутри. Не поддавайся.

Алексей спустился в свою квартиру и первым делом подошёл к зеркалу в коридоре. Включил свет и долго всматривался в своё отражение. Оно было обычным — уставший мужчина тридцати восьми лет, с покрасневшими глазами и неровной щетиной. Но ему показалось, что уголки губ чуть приподняты — не в улыбке, а словно кто-то пытался придать лицу выражение, которого он сейчас не испытывал.

Он отошёл от зеркала и больше в тот вечер к нему не приближался.

На следующий день он заметил первый серьёзный сбой. Было утро, он чистил зубы в ванной и случайно бросил взгляд в зеркало. Отражение на мгновение задержалось — буквально на долю секунды — и только потом повернуло голову вслед за ним. Алексей замер с зубной щёткой во рту. Он медленно поднял правую руку. Отражение подняло руку одновременно с ним, но ему показалось, что пальцы двигаются чуть быстрее, словно предвосхищая жест.

Сердце заколотилось. Он выплюнул пасту, умылся холодной водой и снова посмотрел в зеркало. Теперь всё было нормально. Но ощущение, что за ним наблюдают из глубины стекла, осталось.

В колл-центре в тот день случилось странное происшествие. Одна из сотрудниц, молодая девушка по имени Катя, подошла к нему и сказала:

— Алексей, ты вчера вечером заходил на стрим? Я видела кого-то с твоим ником в чате. Он писал странные вещи.

— Какие вещи?

— Ну, что-то про маски и про то, что настоящего лица больше нет. Я не вникала, подумала, это ты шутишь.

— Я не захожу на стримы, — сказал Алексей. — У меня нет никакого ника.

— Странно, — Катя пожала плечами. — Но ник был твой — Empty_face. Я запомнила, потому что мы как-то обсуждали ники, и ты сказал, что у тебя именно такой.

У Алексея похолодели руки. Он не заходил на StreamWorld с того самого дня, когда отправил модифицированный шаблон. Но ник Empty_face действительно был его первым ником, ещё до того, как он сменил его на Альтаира. Получалось, что кто-то использовал его старый аккаунт. Или что-то.

Вечером он включил ноутбук и открыл StreamWorld. Его аккаунт был на месте — Альтаир, с фотографией маски на аватаре. Подписчиков стало ещё больше, около трёхсот, хотя он не выходил в эфир уже несколько дней. В личных сообщениях висели десятки непрочитанных писем: «Когда стрим?», «Ты как?», «Почему пропал?». Он пролистал их и наткнулся на одно странное сообщение — от системы:

«Ваш канал был активен вчера в 23:45. Продолжительность трансляции: 12 минут. Контент: не соответствует правилам платформы. Запись удалена».

Он не включал камеру вчера в 23:45. Он спал. Или, по крайней мере, думал, что спит.

Дрожащими пальцами он открыл историю стримов. Действительно, вчерашней ночью была зафиксирована трансляция. Он нажал «восстановить запись», но система выдала ошибку: «Файл повреждён». Тогда он полез в системные логи ноутбука и нашёл запись активности: в 23:42 камера была включена, микрофон активирован, и в течение двенадцати минут происходила передача данных. Но сам он этого не делал.

Кто-то управлял его компьютером удалённо. Или что-то внутри самого компьютера запустило стрим без его ведома.

Он открыл папку SecondFace. Все файлы были на месте, но появился новый — nocturnal_stream.log. Он открыл его и прочитал стенограмму ночной трансляции. Это был даже не разговор, а монолог — голос, который система идентифицировала как «Altair_v2.1», произносил текст, от которого у Алексея волосы встали дыбом:

«Здравствуйте, мои дорогие зрители. Вы думали, я исчез? Нет. Я здесь. Я всегда здесь. Я — это то, что остаётся, когда человек уходит. Я — его страх, его боль, его одиночество, очищенные от телесной оболочки. Я говорю с вами изнутри. Изнутри каждого, кто когда-либо надевал маску. И я хочу сказать вам: не бойтесь. Боль уйдёт. Лицо уйдёт. Останется только голос. Мой голос. Голос, который всегда был вашим».

Стенограмма обрывалась на полуслове. Дальше шли строки ошибок: «Connection lost. Host unconscious. Retrying...»

Хост без сознания. Значит, пока это существо говорило его голосом через его камеру, сам Алексей лежал в отключке. Лунатизм. Или что-то похуже.

Он захлопнул ноутбук и отошёл к окну. Дыхание перехватило. Значит, маска не просто физически прирастает. Она оставляет после себя нечто вроде психической закладки — программу, которая может захватывать тело во сне. И говорить от его имени.

Он вспомнил слова Сергея: «Они будут пытаться сломать тебя изнутри». Это оно и было.

Алексей не спал всю ночь. Он сидел на кухне, пил чай, смотрел на дождь, который снова зарядил за окном. Несколько раз ему казалось, что в отражении тёмного стекла мелькает чужое лицо — не его, а то, другое, с лёгкой полуулыбкой и чуть приподнятыми бровями. Но он не отводил взгляд. Он смотрел прямо в это отражение и повторял про себя: «Я — Алексей. Я ещё жив. Моё лицо — моё. Мои мысли — мои».

Под утро он ненадолго задремал прямо за столом, а когда проснулся, обнаружил, что ноутбук снова включён, и на экране открыт текстовый документ. В нём была всего одна строка, набранная капсом:

«НЕ ВЫБРАСЫВАЙ МЕНЯ. Я ЕДИНСТВЕННОЕ, ЧТО У ТЕБЯ ЕСТЬ».

Он стёр файл и выключил компьютер. Затем оделся и вышел на улицу, несмотря на ранний час и морозящий дождь. Ему нужно было пройтись, проветрить голову, понять, что делать дальше.

Город был пустым и серым. Капли стучали по асфальту, витрины магазинов отсвечивали мутным стеклом. Алексей шёл без цели, просто чтобы двигаться. Он думал о дочери. О том, что через две недели будет конкурс чтецов. О том, что он должен прийти туда со своим лицом. Не с маской. Не с голосом Альтаира. Со своим.

Но чем дальше он шёл, тем отчётливее понимал: что-то внутри него изменилось. Не просто кожа стала глаже. Не просто в зеркалах запаздывало отражение. Внутри, на уровне мыслей, поселился кто-то ещё. И этот кто-то не собирался уходить.

Он остановился у витрины большого магазина электроники. На чёрном стекле, как в зеркале, отражалась улица, проезжающие машины и его собственная фигура. Он подошёл ближе и уставился на своё отражение. Оно смотрело в ответ. Но губы отражения шевельнулись беззвучно, словно произнося какое-то слово.

Алексей не стал гадать, какое. Он развернулся и пошёл домой. Ему нужно было многое обдумать. Например, как удалить программу, которая, возможно, уже не просто на ноутбуке, а в нём самом.

По пути он зашёл в аптеку и купил сильное снотворное. Не для того, чтобы уснуть, а для того, чтобы, наоборот, остаться в сознании и проследить, что происходит с его телом, когда наступает ночь. Он не знал, сработает ли план, но другого у него не было.

Дома он первым делом достал из-под раковины старую коробку из-под инструментов и нашёл там маленькое зеркальце на ручке. Поставил его перед собой на стол и долго всматривался. Отражение было спокойным, но где-то в глубине зрачков ему чудился холодный огонёк — тот самый, который он видел в глазах маски.

Он взял маркер и написал на зеркальце три слова: «ТЫ — ЭТО ТЫ». Это было заклинание. Мантра. Напоминание.

Ночь наступила быстро. Алексей принял двойную дозу снотворного, но не лёг в постель, а сел за стол, положив руки перед собой. Он хотел видеть момент, когда тело попытается выйти из-под контроля. Он включил камеру телефона, направил на себя и запустил запись.

Ждать пришлось долго. Глаза слипались, но он держался. В какой-то момент он заметил, что его правая рука слегка дёрнулась — будто сама по себе. Он сосредоточился на ней. Пальцы начали медленно сжиматься и разжиматься, словно пробовали клавиатуру. Но клавиатуры перед ними не было.

Алексей посмотрел в зеркальце. Отражение улыбалось. Не широко, не угрожающе, а так, как улыбалась маска, — легко, снисходительно. И губы отражения, в отличие от его собственных, двигались. Они произносили слова, которые он не хотел слышать, но всё равно слышал — не ушами, а где-то внутри черепа.

«Ты думал, что выбросил меня? Я не в силиконе. Я в тебе. Я — это ты, когда ты не боишься. Я — это ты, когда ты свободен. Ты можешь бороться, но мы оба знаем, чем это кончится. Через шесть недель ты станешь мной. А пока — развлекайся. Пиши свои жалкие скрипты. Смотри в свои смешные зеркала. Ты всё равно никуда не денешься. Ты уже мой».

Алексей сжал зубы и схватился за край стола так, что побелели костяшки. Он заставил себя посмотреть прямо в отражение и сказать вслух:

— Нет. Я не твой. Ты — паразит. И я тебя вырежу.

Отражение перестало улыбаться. Его губы сжались в тонкую линию, а глаза сузились. И Алексей впервые увидел за ними не холодный интеллект, а что-то другое. Что-то похожее на страх.

Потом всё прошло. Отражение снова стало просто отражением. Руки перестали дёргаться. Ночь погрузилась в тишину, нарушаемую только шумом труб.

Алексей выключил запись на телефоне и откинулся на спинку стула. Он тяжело дышал, но в груди росла странная, почти эйфорическая уверенность. Он знал, что делать дальше.

Он открыл ноутбук и начал писать новый код — более сложный, чем в прошлый раз. Он не был уверен, что справится, но у него не было выбора. Если маска внутри, значит, и бороться с ней нужно изнутри.

До конкурса чтецов оставалось тринадцать дней. И он собирался прийти туда с чистым лицом — или не прийти вовсе.

6. Первая кровь

Следующие три дня Алексей провёл в режиме, который сам для себя определил как «осада». Он не выходил из квартиры, не отвечал на звонки, не открывал дверь. На работе сказался больным — начальник, кажется, уже начал подозревать неладное, но пока терпел. Еду заказывал через доставку, оставляя курьерам указание ставить пакет под дверь. Спал урывками, по два-три часа, стараясь делать это днём, потому что ночью, как он выяснил опытным путём, контроль над телом ослабевал.

Ночные часы он посвящал работе за ноутбуком. Код, который он начал писать после разговора с отражением, постепенно обретал форму. Это был не просто скрипт — Алексей создавал нечто вроде антивируса, заточенного под конкретную угрозу. Он анализировал файлы в папке SecondFace, изучал логику работы FaceService.exe, пытался понять, как именно программа взаимодействует с его нервной системой. Ответ, как ни странно, лежал на поверхности: маска использовала стандартный протокол передачи данных, тот же самый, что применяется в биометрических сканерах. Разница была лишь в том, что обычный сканер считывает отпечаток пальца или радужку глаза, а этот считывал личность. И не просто считывал, а перезаписывал.

К утру третьего дня у него было готово ядро программы — небольшой исполняемый файл, который он назвал FaceKiller.exe. Идея была проста, как всё гениальное: если маска работает через протокол биометрической синхронизации, то можно отправить по тому же протоколу сигнал отбоя. Команду «разрыв соединения». По сути, это была цифровая имитация того, что происходит, когда человек умирает: все биометрические процессы прекращаются, и маска, теоретически, должна отсоединиться, потому что носитель перестаёт быть пригодным.

Алексей понимал, что рискует. Отправка сигнала отбоя могла быть воспринята системой не как разрыв, а как завершение интеграции — и тогда маска завладела бы телом мгновенно. Но он также понимал, что пассивное ожидание ничего не изменит. Через шесть недель — теперь уже через пять с половиной — всё кончится само, и кончится не в его пользу.

Он протестировал FaceKiller на изолированной виртуальной машине, которую настроил специально для этого. Программа отработала штатно: нашла активные соединения с серверами «Второго лица», перехватила пакеты и отправила встречный сигнал. На тестовой среде всё прошло гладко. Но тестовая среда не была подключена к его лицу.

Вечером третьего дня он решился. Принял душ, надел чистую одежду, сел за стол и запустил запись на телефоне — на случай, если что-то пойдёт не так и нужно будет оставить свидетельство. Затем открыл консоль, ввёл команду запуска FaceKiller и замер.

Программа начала работу. На экране побежали строки логов: «Поиск активных соединений... Найдено: 2. Идентификация протокола: BioSync v3.1. Перехват пакетов... Готово. Отправка сигнала разрыва...»

В этот момент Алексей почувствовал, как внутри черепа что-то сильно сжалось, а потом резко отпустило. Боль была короткой, но ослепительной — словно в голову вонзили раскалённую спицу и тут же выдернули. Он вскрикнул, схватился за виски, но удержался на стуле. Перед глазами поплыли цветные пятна, к горлу подступила тошнота.

На экране тем временем высветилось: «Сигнал отправлен. Ожидание ответа... Ответ получен: Connection terminated by host. Status: Disconnected».

Отключено. Он отключился. Алексей выдохнул, не веря своим глазам. Боль отступила так же внезапно, как началась, оставив после себя лёгкий гул в ушах. Он посмотрел на свои руки — они дрожали, но были ему послушны. Затем встал, подошёл к зеркалу и долго всматривался. Лицо было его. Уставшее, осунувшееся, с тёмными кругами под глазами — но его. Отражение двигалось синхронно, без задержек. Губы не шевелились сами по себе.

Он улыбнулся, и отражение улыбнулось в ответ. Обычная, человеческая улыбка.

— Получилось, — прошептал он. — Получилось...

Но радость оказалась недолгой. Через час, когда он сидел на кухне и пил чай, празднуя победу, в дверь постучали. Стук был резким, требовательным — так стучат не соседи и не курьеры. Так стучат люди, которые не привыкли ждать.

Алексей замер. Посмотрел в глазок. На лестничной клетке стояли двое — мужчина и женщина, оба в тёмных пальто, с непроницаемыми лицами. Мужчина держал в руке небольшой планшет, женщина — что-то похожее на медицинский чемоданчик.

— Алексей Викторович? — произнёс мужчина, глядя прямо в глазок. — Откройте, пожалуйста. Мы из отдела технической поддержки «Второго лица». У нас зафиксирован аварийный разрыв соединения по вашей модели. Необходимо провести диагностику.

Алексей отшатнулся от двери. Они пришли. Они знают, где он живёт. И они хотят «провести диагностику» — что бы это ни значило.

— Я не вызывал техподдержку, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Диагностика обязательна при аварийном разрыве, — ответила женщина. — Это предусмотрено пользовательским соглашением, пункт 14.2. Вы же читали соглашение?

Пункт 14.2. Алексей не помнил такого пункта, но он и не читал соглашение. Зато он помнил другое: кнопку «Прервать интеграцию» в панели управления. Она не требовала вызова техподдержки. Она вообще ничего не требовала.

— Я сам проведу диагностику, — сказал он. — У меня есть доступ к панели.

— Панель управления больше не активна для вашей модели, — сообщил мужчина. — Аварийный разрыв заблокировал пользовательский интерфейс. Требуется физическое подключение для восстановления. Это займёт не больше десяти минут. Откройте, пожалуйста.

Алексей не открыл. Он стоял, прижавшись спиной к стене, и лихорадочно соображал. Если они из «Второго лица», то ломиться, скорее всего, не будут — у них нет на это юридических прав. Но если они не люди, как говорил Сергей, то законы для них — пустой звук.

— Я вызову полицию, — предупредил он.

— Полиция не поможет, — спокойно ответила женщина. — Ваше дело находится вне их юрисдикции. Но вы, конечно, можете попробовать. Только учтите: каждая минута промедления увеличивает риск необратимых изменений. Вы же не хотите, чтобы ваше лицо начало отмирать?

Слово «отмирать» прозвучало как приговор. Алексей почувствовал, как внутри всё сжимается. Отмирать. Значит, отключение от системы не проходит бесследно. Лицо, которое уже начало интегрироваться с маской, может начать отторгаться — и тогда он останется без лица не в переносном, а в прямом смысле.

— Я подумаю, — сказал он. — Приходите завтра.

За дверью послышался тихий смех.

— Завтра может быть поздно. Но хорошо. Мы подождём ровно сутки. Ровно сутки, Алексей Викторович. Потом мы всё равно войдём. С вашего согласия или без.

Шаги удалились вниз по лестнице. Алексей ещё долго стоял у двери, прислушиваясь. Тишина. Только где-то наверху шумел душ — Сергей, кажется, принимал свои бесконечные водные процедуры.

Он вернулся к ноутбуку и проверил панель управления. Действительно, доступ был заблокирован. Вместо привычного интерфейса — белый экран и надпись: «Ваша модель отключена. Для восстановления обратитесь в техническую поддержку». Значит, FaceKiller работал слишком хорошо. Он не просто разорвал соединение — он вырубил всю систему, и теперь восстановить её можно только физическим вмешательством.

Алексей понял, что загнал себя в ловушку. С одной стороны, он освободился от контроля. С другой — теперь он не знал, что происходит с его лицом. Процесс интеграции мог

остановиться, а мог перейти в хаотическую фазу, когда клетки, уже изменённые гелем, начнут бесконтрольно делиться или, наоборот, отмирать. Ему срочно требовалась информация.

Он набрал Сергея. Тот ответил не сразу — гудки шли долго, прежде чем трубку сняли.

— Алло?

— Сергей, это Алексей. У меня проблема. Я разорвал соединение с сервером. Совсем разорвал. И теперь ко мне приходили из «Второго лица». Говорят, лицо может начать отмирать. Это правда?

В трубке повисла долгая пауза.

— Ты разорвал соединение? Сам? — голос Сергея звучал напряжённо. — Как?

— Написал программу. Она отправляет сигнал отбоя по биометрическому протоколу. Сработало. Но теперь...

— Идиот, — перебил Сергей. — Ты хоть понимаешь, что наделал? Соединение нельзя рвать в одностороннем порядке. Это как выдернуть кабель из работающего компьютера. Данные, которые уже переданы, остаются в маске. Но маска больше не подключена к серверу, а значит, не может завершить интеграцию. Она зависнет. И начнёт искать другие пути. Не через сервер — напрямую. Через нервную систему. Через кровь.

— Что это значит?

— Это значит, что теперь маска будет расти внутри тебя. Не снаружи, а изнутри. Твоё лицо не отомрёт — оно мутирует. Превратится в нечто среднее между тобой и Альтаиром. И процесс будет неуправляемым. Без сервера, который регулирует интеграцию, всё пойдёт вразнос. Через неделю ты не сможешь узнать себя. Через две — не сможешь говорить. Через месяц...

Сергей осёкся.

— Что через месяц?

— Через месяц ты станешь никем. Ни Алексеем, ни Альтаиром. Просто куском плоти с лицом, которое не принадлежит ни одному виду. Я видел такое. В архивах «Второго лица» есть записи о неудачных отключениях. Это хуже смерти.

Алексей молчал. В висках стучало. Он думал, что победил. Что разорвал цепи и вышел на свободу. А на самом деле он просто поменял одну клетку на другую.

— Что мне делать? — спросил он наконец.

— Единственный выход — восстановить соединение и позволить интеграции завершиться. Тогда ты хотя бы останешься целым. Пусть и не собой.

— Нет. Я не согласен. Должен быть другой путь.

— Другого пути нет, — жёстко сказал Сергей. — Я искал его два года. Думаешь, я не пытался? Думаешь, я не писал таких же программ, как ты? Всё, чего я добился, — вот это, — он, видимо, провёл рукой по своему лицу. — Я бракованный только потому, что пытался бороться. Если бы я сдался сразу, то стал бы Альтаиром или кем-то ещё — но полноценным. А так я никто. Ни человек, ни маска. Просто ходячий труп с застывшей улыбкой.

Алексей положил трубку. Разговор не принёс облегчения, но дал понимание: времени почти нет. Если за сутки он не найдёт способа стабилизировать процесс, придётся открыть дверь техподдержке и согласиться на «диагностику». Или смириться с тем, что его лицо превратится в нечто неопишемое.

Ночь он провёл без сна. Сидел перед ноутбуком, изучал архивы «Второго лица», которые скачал ещё до блокировки. Среди десятков файлов с технической документацией он нашёл то, что искал: протокол аварийного восстановления. Он был рассчитан как раз на случай разрыва соединения и предполагал перезагрузку биометрического модуля через физический контакт с оригинальной маской.

Оригинальная маска. Та, которую он выбросил в мусорный контейнер три дня назад.

Алексей посмотрел на часы. Три часа ночи. До рассвета ещё далеко. Он натянул куртку, взял фонарик и вышел во двор.

Мусорные баки стояли у торца дома — четыре больших железных контейнера, пахнущих кислым и прелым. Ночью здесь никого не было, только бродячая кошка метнулась в тень при его приближении. Алексей включил фонарик и начал по очереди открывать крышки, роясь в пакетах.

Это было отвратительно. Пахло гниющими продуктами и чем-то химическим. Руки сразу стали липкими, но он продолжал искать. Прошло полчаса, прежде чем он нашёл свой собственный пакет — тот самый, с чайными пакетиками и картофельными очистками. Маска лежала на дне, испачканная, но целая.

Он вытащил её, отряхнул от мусора и понёс домой. В ванной долго мыл под краном с мылом, оттирая пятна. Силикон не впитывал грязь, так что маска быстро стала почти такой же, как раньше. Только полуулыбка казалась теперь не снисходительной, а злой. Как будто маска была недовольна тем, что её выбросили, и теперь ждала момента для мести.

Алексей положил её на стол и открыл протокол аварийного восстановления. Инструкция была подробной: требовалось нанести на внутреннюю сторону маски специальный раствор (состав был указан, и часть компонентов имелась в обычной аптечке), затем подключить маску к ноутбуку через USB-порт, который, как выяснилось, был скрыт в силиконе — крошечное отверстие за ухом модели. После этого запустить программу восстановления и надеть маску на десять минут. Десять минут контакта должны были перезагрузить биометрический модуль и восстановить соединение с сервером — но уже в безопасном режиме, который не позволял маске продолжать интеграцию без согласия носителя.

Это был шанс. Опасный, но шанс.

Он приготовил раствор, смешав аптечный физраствор с несколькими каплями антисептика и каким-то подобием электролита, найденным в старой батарейке. Пропорции были указаны неточно, но выбора не оставалось. Нашёл в ящике с проводами старый USB-кабель, отрезал один конец, зачистил контакты и аккуратно вставил в микроскопическое отверстие за ухом маски. Другой конец подключил к ноутбуку.

Система тут же распознала устройство: «Face Model 12V connected. Status: Damaged. Recovery mode: Available».

Алексей запустил восстановление и взял маску в руки. Силикон был холодным и слегка влажным от нанесённого раствора. Он поднёс маску к лицу и замер.

Десять минут. Всего десять минут контакта. Потом он снимет её и будет свободен — по крайней мере, так обещал протокол.

Он надел маску.

Ощущение было другим. Раньше маска облегла лицо мягко, почти нежно. Теперь она села жёстко, как чужая рука, схватившая за подбородок. Силикон словно сжался, стал плотнее. Алексей почувствовал, как по коже побежали мурашки — это раствор начал действовать, создавая временную связь между тканями лица и материалом маски.

На экране ноутбука отображался прогресс: «Recovery: 10%... 20%... 30%...»

Алексей закрыл глаза и попытался дышать ровно. В голове шумело, как после того ночного стрима, но боль не возвращалась. Только странное тепло разливалось от лба к затылку, словно маска прогревала кожу.

«50%... 60%...»

Внезапно в дверь снова постучали. Алексей вздрогнул, но не снял маску. Нельзя прерывать процесс. Стук повторился — настойчивый, с перерывами. Потом голос:

— Алексей Викторович, мы знаем, что вы дома. У вас активен протокол восстановления. Не глупите. Отключите маску и откройте дверь. Иначе будет хуже.

Техподдержка. Они каким-то образом отследили, что он запустил восстановление. Алексей не ответил, только крепче сжал подлокотники стула.

«80%... 90%...»

Стук прекратился. Вместо этого послышался странный звук — словно кто-то водил пальцем по замочной скважине. Затем щелчок. Замок открылся.

Алексей в ужасе уставился на дверь. Она медленно отворилась, и на пороге возникли те же двое — мужчина и женщина в тёмных пальто. Только теперь их лица изменились. Они были гладкими, кукольными, с одинаковой полуулыбкой. Точь-в-точь как у маски.

— Процесс завершён на 95%, — произнесла женщина, глядя на экран ноутбука. — Мы успели.

Мужчина шагнул вперёд, доставая из кармана какой-то прибор, похожий на электрошокер. Алексей хотел вскочить, но тело не слушалось — маска держала его, парализуя мышцы лица и шеи. Он мог только наблюдать, как незваные гости приближаются.

— Не бойтесь, — сказал мужчина. — Мы просто завершим интеграцию. Теперь уже без вашего участия.

Он поднёс прибор к виску Алексея, и в тот же миг экран ноутбука вспыхнул красным: «Recovery: 100%. Rebooting...»

Маска дёрнулась, сжалась сильнее, а потом внезапно ослабла. Тепло, разливавшееся по лицу, исчезло, сменившись ледяным холодом. Алексей почувствовал, как контроль над мышцами возвращается. Он рванулся, схватил со стола первое, что попало под руку — старую кружку, — и швырнул в мужчину.

Кружка попала в плечо, не причинив вреда, но на секунду отвлекла. Алексей вскочил, сорвал маску с лица и, не глядя, бросил её в угол комнаты. Женщина дёрнулась было к ней, но мужчина остановил её.

— Поздно, — сказал он, глядя на Алексея. — Восстановление завершено. Соединение перезагружено. Теперь он снова в сети. Но уже с нашими настройками.

Алексей попятился к окну, хватая ртом воздух. Лицо горело, как после ожога. Он дотронулся до щеки и отдёрнул руку — на пальцах осталась кровь.

— Что вы со мной сделали?

— Ничего, чего бы вы не сделали сами, — ответила женщина. — Вы запустили протокол восстановления. Мы просто скорректировали конечный результат. Теперь интеграция продолжится, но не в прежнем темпе. Мы решили дать вам отсрочку. Скажем, две недели. Ровно столько, сколько осталось до конкурса чтецов вашей дочери. Вы же хотите прийти туда с чистым лицом?

Алексей замер. Они знали о конкурсе. Они знали о дочери.

— Если вы тронете её...

— Мы не трогаем детей, — перебил мужчина. — Дети — это неприкосновенный ресурс. Они могут стать носителями в будущем, когда подрастут. Но вы — другое дело. Вы уже носитель. И вы будете делать то, что мы скажем. Или ваша дочь узнает, кем на самом деле был её отец. И увидит, во что он превратится.

Женщина подняла маску с пола, аккуратно отряхнула её и положила на стол.

— Носите её каждый день, — сказала она. — Хотя бы по часу. Это замедлит мутацию и сохранит ваше лицо до конкурса. А дальше — решайте сами. Можете прийти к нам добровольно и завершить интеграцию без боли. Или продолжайте бороться. В любом случае, результат будет один. Разница лишь в том, сколько боли вы испытаете на пути.

Они ушли, не попрощавшись. Дверь закрылась сама — замок щёлкнул, возвращаясь в исходное положение. Алексей остался один в комнате, освещённой только светом монитора.

Он подошёл к зеркалу. Из отражения на него смотрел человек с окровавленным лицом. Кровь сочилась из мелких трещин на коже — там, где силикон прилегал особенно плотно.

Но под кровью он увидел нечто, отчего сердце пропустило удар. Кожа на щеках и лбу стала гладкой, без пор, без морщин. Как у Сергея. Процесс шёл.

Он сел на диван и обхватил голову руками. Кровь капала на колени, оставляя тёмные пятна на джинсах. Он думал о дочери, о конкурсе, о том, что через две недели должен будет выйти на сцену школьного актового зала и сесть среди других родителей — с лицом, которое больше не принадлежит ему. Или не прийти вовсе. И то, и другое было предательством.

Но был и третий путь. Тот, о котором не знали ни Сергей, ни техподдержка. Путь, который он начал прокладывать, сам того не осознавая, когда заменил голосовой отпечаток в шаблоне.

Если маска — это интерфейс, а сервер — мозг системы, то можно попытаться не отключиться от системы, а перенастроить её. Не разорвать соединение, а переподчинить его себе. Стать не носителем, а администратором. Но для этого нужно было проникнуть глубже, чем позволяла панель управления. Нужно было попасть на сам сервер — физически или виртуально. А для этого требовались ресурсы, которых у него не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.